

А 1794

Рос 1-624

№ 47-й.

НОЯБРЬ 1923 Г.

Цена 15 цент.

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
- ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Памяти пяти задушенных анархистов.

Бессмертная пошлость.

Первое Международное Товарищество Рабочих.

На другой день.

Анархизм в Болгарии.

Драма в Чикаго.

Кто виноват?

Успехи международного языка эсперанто.

Отчеты и заявления.

64-184

ПАМЯТИ ПЯТИ ЗАДУШЕННЫХ АНАРХИСТОВ.

Не без содрогания и ужаса вспоминаем мы страшные дела рук человеческих. Много их совершено в седой древности дикими, необузданными деспотами. Много пролито человеческой крови, миллионы человеческих жизней принесены в жертву ненасытной жадности, алчности, нетерпимости и тщеславия.

Но что нам тревожить кости древних фараонов, цезарей и князей. Бросим мы лучше наш взгляд на дела не столь давно минувших дней, на раны, которые еще не совсем зажили, и из которых все еще сочится неостывшая человеческая кровь.

Гологофа и крест, виселица и плаха, топор и петля, дыбы и каленое железо. Кровь и смерть. Смерть и кровь... Вот сумма человеческого прогресса, вот тяготеющее над человечеством во все времена и эпохи проклятие, каинова печать, которой люди не могут смыть никаким прогрессом, никакой цивилизацией.

И чем больше человечество становится культурным, тем больше оно жаждет крови — этой драгоценной красной влаги, без которой не может существовать ни святейший папа римский, ни грешнейший и подлейший самодержец, ни президент, ни диктатор, ни республика, ни деспотия.

Не вспырынутая человеческой кровью правительственная машина никогда не могла бы пустить на полный ход все свои колесики, а власть имущие чувствовали бы себя далеко не в безопасности, и, наверное, потеряли бы аппетит и сон, если бы в застенках и на человеческих скотобойнях не продельвались операции с человеческими жертвоприношениями во имя закона, порядка, религии, "спасения" человечества и тому подобных отвлеченных понятий.

Каждый день, каждая минута — это новый поток свежей, людской крови. Ее следы заметны на всем до чего прикасается преступная человеческая рука. Черезчур уж много крови: по самые колена, по самое горло. Но этого мало. Все гром-

че раздаются голоса, требующие еще больше крови, еще больше жертв... И во имя новых фетишей, во имя новых призраков крошат людские головы, тащат под топор, душат в застенках, распинают на крестах.

Глупое человечество: ты возмущалось ужасами Варфоломеевской ночи, резней коммунаров, "доблестными" подвигами святой испанской инквизиции. Но что представляют эти деяния и забавы святых отцов в сравнении с кровопусканием в недавнюю мировую войну, в сравнении со всеми тонкостями и усовершенствованными методами истребления политических еретиков в судилищах и подвалах большевистских чрезвычайек. Все совершенствуется, все прогрессирует. Столыпинские галстухи, чрезвычайчики, террор и кошмар, мрак и ужас...

* * *

Когда американская буржуазия тридцать шесть лет тому назад судила, а потом задушила на виселице четырех анархистов, пятого же, осужденного к смертной казни довела до самоубийства, — то ей казалось, что жестокой расправой она одним взмахом убила не только самых опасных и ненавистных ей анархистов, но и нанесла смертельный удар сильно беспокоившему ее росту рабочего движения.

Все зло — в агитаторах, в революционной пропаганде, которая ведется на страницах рабочих газет и журналов. Не будь этих проклятых агитаторов и зажигательных, возмутительных статей, не было бы никаких рабочих волнений, стачек, недовольства, не было бы и самого рабочего вопроса, который выдумывается все теми же злонамеренными агитаторами, анархистами и социалистами. А потому, говорила буржуазия, надо хорошенько проучить забастовщиков и бунтовщиков, чтобы отбить у рабочих всякую охоту к бунтам и забастовкам.

И такой тактики она придерживалась и ее применила каждый раз, когда где нибудь начиналась забастовка рабочих.

Особенно выдающимися и памятными из них являются железнодорожные забастовки в Балтимор, Питсбург, Чикаго и стачечное движение, охватившее различные угольные районы. Рабочие оставляли работу и требовали сокращения рабочего дня, который обыкновенно продолжался 14—16 часов, в то время, как за свой каторжный труд рабочий получал жалкие гроши, едва достаточные для пропитания.

Заработок шахтера в то время, например, не превышал 15 долл. в месяц, да еще с вычетами в пользу компании. Не лучшим было экономическое положение и других категорий рабочих. Капиталисты же, начавшие заменять ручное производство машинным, на дешевом труде рабочих наживали колоссальные состояния.

Поэтому каждая выигранная рабочими забастовка ударяла капиталистов по самому чувствительному месту — кошельку, делала рабочих более требовательными, несговорчивыми, поднимала их дух и возбуждала к новой борьбе с своими хозяевами. Забастовка доводила до бешенства американских капиталистов. По их мнению это было "иностранное нововведение", за которое, однако, с пылом ухватились жестоко эксплуатируемые американские рабочие.

Капиталисты с своей стороны прибегали к обычным умирительным мерам: штатной милиции, полиции, федеральным властям; а когда они не стали справляться с усиливавшимся забастовочным движением, то на сцену появились частные сыскные фирмы: Пинкертон, Борнсы и другие, снабжавшие фабрики штрайкбрехерами-сыщиками и разными головорезами, которые пускались в ход для ломки забастовок.

С забастовщиками не церемонились. Каждый раз, когда начиналась забастовка, буржуазная печать требовала самой жестокой расправы с ними. Если для забастовщиков не страшны полицейские клобы (палки), то надо угостить их свинцом, говорили капиталисты. Другие открыто и цинично советовали подмешивать в пищу и продаваемые бастующим продукты мышьяк и стрихнин. На страницах буржуазных газет также не мало писалось и о том, как вселить страх и отбить охоту к забастовкам бросанием в собрании рабочих динамитных бомб. В некоторых буржуазных газетах появились подробные инст-

рукции о том, как делать и начинать взрывчатыми веществами ручные гранаты.

Надо сказать, что все такие разглагольствования не были пустыми фразами разъяренных буржуа. Слова у них не расходились с делом, и об этом свидетельствовала каждая забастовка, сопровождавшаяся неизбежными побоищами, расстрелами и самыми дикими расправами с безоружными рабочими.

Американские капиталисты ни перед чем не останавливались, что бы подавить забастовочное движение, чтобы огнем и мечом убить в рабочем какое бы то ни было желание улучшить свою жизнь посредством массовой, организованной, коллективной борьбы с капиталом, и удерживать его в тех условиях, в которые он поставлен хозяйской волей. Вся мощь капиталистов, все их миллионы, сыщики и правительственный аппарат, однако, не смогли остановить прорвавшийся поток рабочего самосознания, который поднимается все выше, разрушает на своем пути высокие и крепкие капиталистические заставы и уже грозит сносом всего капиталистического здания.

* * *

Чикагская драма разыгралась в самый разгар борьбы за 8-ми часовой рабочий день. На 1-е мая 1886 года, как известно, была назначена всеобщая забастовка с целью завоевания 8-ми часового рабочего дня. К этому средству организованные рабочие принуждены были прибегнуть после долгих бесплодных усилий и попыток добиться желательных экономических улучшений посредством политической борьбы и парламентских реформ.

В стране всяческих "свобод", демократии и политического равноправия не трудно было уговорить рабочих стать на скользкий путь политики. Рабочие профессиональные союзы энергично поддерживали довольно сильную в то время Рабочую партию, которой, в некоторых случаях, удавалось проводить в городскую думу, штатный парламент и на другие выборные должности своих рабочих кандидатов, и, таким образом, отовсывать места у кандидатов буржуазных партий. Давление рабочих на законодательную машину шт. Иллинойс было настолько значительно, что законодательным путем был проведен за-

кон о 8-ми часовом рабочем дне.

Все это само собой понятно сильно встретило толстосумов. Никто из них, разумеется, не думал подчиняться закону о 8-ми часовом рабочем дне. Агитация Рабочей Партии, по их мнению, зашла слишком далеко и надо было положить ей конец.

Гражданская Ассоциация (фабриканты, купцы, банкиры и торговцы) и Ассоциация адвокатов взялись выполнить эту работу. Прибегли к обычным в таких случаях средствам: некоторым из влиятельных

членов Рабочей Партии буржуазия переманила на свою сторону назначением на хорошо оплачиваемые казенные должности, у других кандидатов этой партии она убрала голоса, и, таким образом провалила на выборах, третьих просто купила за тридцать серебеников, и только немногие из вожаков Рабочей Партии устояли против искушения и не поддались ни на какие заманчивые обещания. В число неподкупных попал один очень беспокойный

редактор ежедневной немецкой газеты "Arbeiter Zeitung" Август Шпис, оказавшийся, как мы увидим ниже, одним из главных действующих лиц чикагской драмы. Он с негодованием отверг крупную взятку политического "босса", который затем фигурировал в процессе в качестве присяжного заседателя и имел наглость обвинять честного и неподкупного Шписа в "политической нечистоплотности".

Как мы видим, увлечение чикагских рабо-

чих политикой, как это всегда, везде и во всех странах бывает, закончилось горьким разочарованием. Рабочие на опыте убедились, что посылкой своих кандидатов в буржуазные законодательные учреждения невозможно добиться хотя бы частичных улучшений своего экономического положения и что поэтому вместо демократического, парламентарского способа борьбы предлагаемого социалистами, как всеисцеляющее средство, надо искать другие пути, более надежные и прямо ведущие к цели.

Анархисты задушенные буржуазией 11-го Ноября 1887-го года в г. Чикаго: А. Шпис, А. Парсонс, Л. Линг, Д. Энгель А. Фишер.

Таким образом у чикагских рабочих создавалась и зарождалась идея прямых действий без каких бы то ни было политических посредников, идея непосредственной борьбы труда с капиталом, которая получила свой иску, свое первое боевое крещение тридцать семь лет тому назад — 1-го мая 1886-го года, когда впервые прозвучал призыв к борьбе за 8-ми часовую рабочий день посредством всеобщей забастовки.

* *

Главными застрельщиками и виновниками чикагской драмы были не повешенные анархи-

сты, не бунтовщики рабочие, а буржуазия, верная ее защитница полиция, продажный американский суд и продажная желтая пресса. Шестнадцатичасовой рабочий день был самым опасным агитатором. Жалкие гроши, которые бросали в виде платы рабочим за их долгий, каторжный труд, возбуждали рабочих лучше, нежели какая либо пропаганда. Собачья, беспритупная, грязная, полуголодная и нищенская жизнь миллионов тружеников — была самым страшным,

самым красноречивым агитатором.

Зачинщиками всяких рабочих волнений, беспорядков, забастовок, бунтов и революций были и есть сами капиталисты, сами эксплуататоры, сами правители, придерживающиеся по отношению к угнетенным массам одного простого правила: "патронов не жалеть". Как это ни странно, они требуют покорности от тех, кого они рубят и бьют по голове; когда же рабочий поднимает руку в свою самозащиту, то они кричат, что это бунт и покушение на их "законные" права.

В борьбе за 8-ми часовой рабочий день чикагские анархисты приняли самое горячее участие. В то время, как некоторые профессиональные рабочие союзы колебались и сомневались в достижимости, казавшегося им черезчур смелым, требования о сокращении рабочего дня до 8-ми часов, анархисты не только доказывали его полную возможность осуществления, но и указывали на то, что введение 8-ми часового рабочего дня или даже 4-х часового оставит рабочего по-прежнему в зависимости от хозяина, а, следовательно, в рабстве, угнетении, нужде и коренным образом не изменит капиталистического строя, на уничтожение которого должны быть направлены все усилия рабочих.

Рабочие массы смутно и инстинктивно чувствовали правду анархистской пропаганды, но для социальной революции они не были подготовлены и представляли возможность ее лишь в отдаленном будущем. Таким образом, рабочие волнения в Чикаго на почве борьбы за 8-ми часовой рабочий день не представляли серьезной угрозы капиталистическому строю. Рабочие не собирались ниспровергнуть существующий общественный порядок, а требовали себе лишь скромной подачки: нескольких лишних часов свободного времени для отдыха и прибавки нескольких пятаков к их мизерной заработной плате.

В этом покушении рабочих на хозяйский карман капиталисты усмотрели бунт рабов и революцию против "славной" американской республики. И в то время, как улолюкающая буржуазная пресса рассказывала страшные ужасы про забастовщиков, их собрания, а главное про речи, произносившиеся на этих собраниях ужасными анархистами, которые собираются взорвать

динамитом весь мир, самих себя и в том числе всех добрых и благонамеренных американских граждан, чикагская полиция очевидно твердо решила во что бы то ни стало предотвратить это катастрофическое событие и покрыть себя неуязвимой славой спасителей республиканского отечества.

Ни одна забастовка, ни одно собрание рабочих в Чикаго не обходилось без полицейских побоев. Проведая, что в каком нибудь зале происходит митинг какого либо профессионального союза, созданного для обсуждения юнионных дел, полиция обязательно устраивала налет, собравшихся угощала клубами и собрание таким образом срывалось. Во время одной из таких okazji, при разгоне делового митинга юниона столяров, полиция хорошенько угостила клубами присутствовавших на нем многих хозяев мастерских, приглашенных на собрание для подписания контракта с юнионом.

Жалобы на полицейский произвол заканчивались обыкновенно поощрением полицейских денежной наградой и повышением в чинах. Губернатор штата Иллинойс Альтгельд, в 1893 году пересмотревший чикагское дело, в своей книге: "Резоны, по которым освобождены Фильден, Ниббе и Шваб", между прочим, в сдержанных выражениях дает такую характеристику подвигам тогдашней полиции: "... В течение нескольких лет, предшествовавших событию на Сенной площади, происходили рабочие волнения, и в некоторых случаях несколько человек рабочих, ни в чем неповинных, были хладнокровно (*in cold blood*) убиты пинкертоновскими сыщиками и ни один из убитых не был привлечен к суду..."

"В 1885 году, пишет Альтгельд, во время забастовки на фабрике земледельческих орудий Мак-Кормика, вызванной уменьшением заработной платы, некоторые пинкертоновские сыщики, схавшие на эту фабрику, были ослеплены несколькими, стоявшими на улице людьми. Сыщики тогда дали залп в толпу и смертельно ранили несколько человек, неимевших никакого отношения к забастовке. Суд оправдал, однако, привлеченных по этому делу четырех сыщиков..."

"... После этого, говорит Альтгельд, во время трамвайной забастовки на западном участке, некоторые полицейские, под предводительством

вом капитана Джан Бонфильда, побили прежние рекорды брутальности: они избивали клобами даже мелких торговцев, стоявших на пороге своих лавок и не имевших никакого отношения к забастовке, бросали их в патрульные вагоны и тащили в тюрьму без всяких обвинений и даже записи в книгу об аресте; что петиция, подписанная приблизительно 1000 влиятельных граждан, живущих на улице Вест-Медисон и по соседству с нею, была подана мэру и городской думе и заключала в себя просьбу об удалении с полицейской службы Бонфильда, но, благодаря своим политическим связям, он все таки был принят обратно на службу...

И за такие "подвиги" его назначили еще и полицейским инспектором. Бонфильд таким образом из полицейского капитана, или пристава превратился в фактического начальника чикагской полиции. Избиения рабочих превратились у него в страсть. Обладая необыкновенной силой, он не мог жить без драки и всегда искал случая, где бы можно было размокнуть кому-либо голову, особенно если ему под руку подворачивался безоружный и незащищенный рабочий. Подобных же действий он требовал и от всех своих подчиненных. Буржуазия рукоплескала своему храброму инспектору, а капиталистическая пресса не скупилась на похвалы новоявленному спасителю отечества.

* * *

Буржуазный террор, расстрелы и избиения рабочих создали накаленную атмосферу. Грозу можно было ожидать в любой момент и она не замедлила разразиться. Касаясь причин возбужденного настроения рабочих в это время, губернатор Альтгелд, в упомянутой выше своей книге, говорит, что "не все люди могут безропотно переносить избиения их полицейскими и что некоторые из них способны на затаенную злобу и месть за подобные зверства полицейских".

Чаша долготерпения рабочих переполнилась, однако, во время первой забастовки 1886 года, когда полиция опять угостила свинцом собравшихся на митинг рабочих у фабрики Мак Корника, на которой был объявлен локаут. Были убиты 4 рабочих (точное число неизвестно, так как полиция унесла их трупы) и около 60 ра-

бочих получили огнестрельные раны. Под впечатлением этого возмутительного злодеяния Шпис, редактор ежедневной немецкой рабочей газеты, выпускает к рабочим зажигательную прокламацию — протест с призывом к оружию, к мщению за пролитую рабочую кровь.

На 4-ое мая 1886 года, на одной из улиц вблизи Сенной площади, назначается масс-митинг протеста, на котором присутствует более 1.000 человек. Прокламация Шписа, хотя и носила резко-обличительный характер разбойничьей деятельности полиции, но в ней не было призыва ни к социальной революции, ни к насильственному существованию строя. Призыв же к оружию, при создавшихся обстоятельствах, является не чем иным, как самозащитой против бандитизма полицейских. Прокуратура, однако, ухватилась потом за эту прокламацию и истолковала ее по своему.

Митинг 4-го мая, по словам присутствовавшего на нем городского головы Гаррисона, не представлял никакой угрозы "общественной безопасности". Речь выступавших на митинге Шписа, Парсона и других ораторов, по словам того же "отца" города, не заключали в себе ничего кровавого, динамитного и насильственного. Выслушав почти всех ораторов, городской голова пришел к заключению, что славному граду Чикаго пока не грозит никакой серьезной опасности от речей анархистов. Это мнение он высказал и полицейскому инспектору Бонфильду, державшему наготове на всякий случай большой отряд полицейских.

Под конец митинга разождалось. Большая часть публики разошлась. Уехал во-свояси и городской голова Гаррисон, сказав Бонфильду, что на этот раз его ребятам не предстоит никакой работы. У полицейского же инспектора сильно чесались руки. Он не мог упустить такого удобного случая еще раз отличиться и показать себя.

В тот момент, когда свора полицейских, по его приказу, мчалась на митинг, чтобы учинить над собравшимися дикую расправу, произошел страшный взрыв брошенной кем-то бомбы, убившей на месте полицейского Дигана. Последовал невыразимый хаос и суматоха. Шла беспорядочная стрельба. Обезумевшие от страха полицей-

ские стреляли невпопад по бегущим во все стороны рабочим и по своим же коллегам — полицейским. В результате 68 полицейских оказались ранеными, при чем семь из них от полученных ран умерли. Как велики были потери со стороны рабочих — осталось тайной полицейского участка. Один из главных создателей чикагского дела капитан Шак, в изданной им большой и фантастической книге, намекает, что рабочих во время этого погрома было убито и ранено во много раз больше, нежели полицейских.

До сего времени остается неразгаданным вопрос — была ли роковая бомба брошена в полицейских каким-нибудь из участвовавших на митинге рабочим в отместку за учиненные зверства и расправы над рабочими, или ее бросил в рабочих полицейский провокатор, плохо рассчитавший расстояние, благодаря чему она взорвалась среди мчавшихся на митинг полицейских. Пресловутый полицейский капитан Шак, в книге, изданной им, или вернее на деньги, полученные от капиталистов, как цену крови, — носящей претенциозное название (или, вернее несколько их) *), утверждает, что он, всеведущий и всезнающий детектив, доподлинно знал лицо, бросившее бомбу, несколько раз арестовывал его, но этого злоумышленника почему то всегда освобождал из под-ареста полицейский комиссар г. Чикаго Эберсольд. По уверению Шака, бомба была брошена заведомым анархистом Рудольфом Шнобельтом (Rudolph Schnaubelt), работавшим в типографии злополучной немецкой "Рабочей газеты". Своего протежэ Шнобельта, после того, как он попал под подозрение ему,

капитану Шаку, полицейский комиссар Эберсольд выпроводил будто бы из Чикаго в прелестную Калифорнию, а когда он, Шак, напрашивался поехать и изловить его там, то полицейский комиссар Эберсольд не дал ему на это своего разрешения, а отправился сам вместе с своими друзьями в прекрасную Калифорнию, конечно на казенный счет, для изловления мифического бомбометателя. Но он так где-то и потерялся навеки, не взирая на всю бдительность его, Шака, и благодаря попустительству комиссара Эберсольда.

Когда полицейский обвиняет другого полицейского чуть-ли ни в укрывательстве бомбометателя, то этот последний не останется в долгу и откроет некоторые, ему известные, секреты своего обидчика. Полицейский комиссар Эберсольд так и поступил. Как только появилась в свет пресловутая книга Шака, комиссар Эберсольд 10 мая 1889 г. в "The Chicago Daily News" опубликовал по этому случаю заявление, в котором несколько приоткрывает завесу над закулисной стороной фабрикации чикагского дела и преступными замыслами капитана Шака — одного из главных создателей чикагского процесса.

В своем заявлении Эберсольд между прочим, говорит: "После 4-го мая (взрыва бомбы) моей политикой было — возможно скорейшее успокоение. Общее возбужденное состояние причиняло большой вред Чикаго. С другой стороны, капитан Шак хотел поддерживать это возбуждение. Он хотел находить бомбы здесь, там, всюду и везде. Я думал, что люди будут спать спокойнее, если они перестанут бояться взрыва их жилищ на клочки в любую минуту. Но сей муж Шак, этот маленький мальчик (и большой подлец. Примеч. переводчика), который не мог жить без славы, иначе его сердце могло бы лопнуть, ни за что не хотел следовать моей политике.. Дальше, имеется нечто, чего публика не знает. После разгрома анархистских организаций, Шак хотел послать людей для создания новых без всякого промедления. А знаете ли для чего все это? Он хотел "открывать" все новые анархистские "заговоры", и этим поддерживать свою популярность в обществе. (Курсив автора). Я, конечно, не поддержал его планов,

*) Anarchy and Anarchists. A history of the red terror and the social revolution in America and Europe. Communism, socialism and nihilism in doctrine and in deed. The Chicago Haymarket Conspiracy, and the detection and trial of the conspirators. By Michael J. Schaack, Captain of Police 1889. (Анархия и Анархисты. История красного террора и социальной революции в Америке и Европе. Коммунизм, социализм и нигилизм в теории и практике. Чикагский заговор на Сенной площади, его раскрытие и суд над конспираторами. Соч. Майкела Дж. Шака, капитана полиции 1889 г.)

потому что не одобряю подобных методов, и все это Шаку не понравилось.

"После того, как я услышал все это, я начал думать, что может быть во всем деле анархистов нет того, что им приписывается, и я уверен, что я был прав. (Курсив автора).

Из этой перепалки полицейских — двух главных творцов чикагского дела — можно заключить — к каким средствам прибегала полиция при фабрикации этого дела, на какие подлости она была способна и какие преступные и адские планы с заговорами и бомбами создавались в полицейских участках. В этой перебранке двух полицейских имеются лишь намеки на то, что в действительности проделывалось полицией для того, чтобы повесить анархистов.

В нуду спора полицейские, разумеется, не выказали всего известного им о различных махинациях и что надо было бы сказать. Но кое-что они все таки вынесли наружу. Если в рассказанной Шаком истории про арест "бомбометателя" Шнобельта, его неоднократное освобождение из под ареста полицейским комиссаром Эберсольдом и, наконец, его таинственное исчезновение в Калифорнию, — имеется хотя бы доля правды, то одним из участников заговора на Сенной площади надо было бы признать полицейского комиссара г. Чикаго Эберсольда, находившегося в какой то таинственной связи с лицом, которое, по мнению капитана Шака, бросило бомбу. Иными словами говоря, Шнобельт бросил бомбу с провокаторской целью с ведома полицейского комиссара Эберсольда и только очевидно этим можно бы объяснить снисходительность, полицейского комиссара к "бомбометателю".

С другой стороны, полицейский комиссар Эберсольд, в цитированном выше заявлении, открывает нам подленькую физиономию самого капитана Шака. Этот "маленький мальчик", которому не давали покою лавры Пинкертона, после того, как все анархисты, по словам Эберсольда, находились уже за решеткой, предлагал ему, Эберсольду, организовывать, на казенный счет так сказать, новые "анархистские" заговоры обязательно с бомбами и затем "раскрывать" их. Такой план будто бы не встретил одобрения со стороны его комиссара, благодаря чему и испортились гармоничные отношения между

ним и Шаком.

Как бы там ни было, но из всего сказанного Эберсольдом более чем ясно, что полицейские в Чикаго не прочь были организовать антиправительственные заговоры с бомбами и взрывами, которые затем были бы приписаны деятельности анархистов. Эберсольд говорит, что подобный план капитана Шака будто бы не встретил одобрения с его стороны, когда на осуществление этой затеи испрашивалось его разрешение после взрыва бомбы на Сенной площади.

Устраивались ли подобные "заговоры" до этого события — Эберсольд ничего не говорит. Он отказался дать свое благословение на такие "подвиги" уже после взрыва бомбы на Сенной площади. До этого же времени полиция очевидно не возбразилась заниматься подобными делами, и Шак, может быть не без участия которого произошел взрыв на Сенной площади, обращаясь к Эберсольду с своим планом организации новых заговоров, надеялся встретить с его стороны дальнейшую поддержку практиковавшейся раньше провокационной и заговорщицкой деятельности полиции. Во всяком случае, приведенные факты неопровержимо доказывают, что "блестители" общественной безопасности в Чикаго, если не сами устроили заговор на Сенной площади, то вне всякого сомнения имели близкое соприкосновение с ним и предлагали планы устройства новых заговоров после этого события, о чем свидетельствует полицейский комиссар Эберсольд.

Губернатор Альтгельд, буржуа и враждебно настроенный к анархистам, но вместе с тем человек, не лишенный чувства справедливости, после основательного знакомства с делом, также далек от мысли обвинить в заговоре привлеченных по делу анархистов. "События, говорит он, (т. е. расстрелы, избиения и погромы на рабочих), предшествовавшие трагедии на Сенной площади, указывают, что бомба была брошена одним из тех, кто, действуя не по чьему либо подговору, метил просто лично за избиение, и что капитан Бонфилд является тем лицом, на которое в действительности падает ответственность за смерть полицейских чинов".

"Если, продолжает Альтгельд, предположе-

ние прокуратуры было бы правильным, то было бы брошено много бомб; тот же факт, что была брошена только одна бомба указывает на то, что это был акт личной мести". (*Reasons for pardoning Fielden, Neebe and Schwab. By John P. Altgeld.* Резоны, по которым освобождены Фильден, Нибс и Шваб. Соч. Джон П. Альтгельд).

Таким образом, относительно лица, бросившего бомбу, доподлинно никто и ничего не знает. И все, что имеется на этот счет это — различные более или менее вероятные предположения. Возможно, что бомбу бросил полицейский провокатор, скрытый затем полицейским комиссаром. Возможно, что бомба была брошена, как это предполагает губернатор Альтгельд, лицом, не действовавшим ни по чьему наущению и не бывшим ни в каком заговоре, а просто из личной мести, и погибшим во время взрыва.

Возможны и еще несколько предположений, которые, однако, все относятся к области фантазии. Одно лишь достоверно известно, что никто и до настоящего времени не знает — кто бросил бомбу на Сенной площади.

* * *

Создать при таких обстоятельствах какой бы то ни было судебный процесс, с юридической точки зрения, совершенно невозможно. Раз нет на-лицо обвиняемого и даже личность его не установлена, то кого может привлекать к ответственности и судить суд. Не зная лица, бросившего бомбу, невозможно установить и сообщников предполагаемого заговора. Не было, следовательно, и малейшего основания, с точки зрения буржуазных законов, для создания судебного дела против кого бы то ни было, а тем более для осуждения за деяния совершенные другим необнаруженным лицом.

Но буржуазные законы или вернее те лица, которые ими оперируют, тем и замечательны, что они никогда с ними не считаются и грубо их попирают, коль скоро им необходимо свести с кем-либо счеты на "законном" основании. Буржуазные законы существуют для других, для буржуазии же никакие законы не писаны. И оно понятно: тот кто пишет законы очевидно не станет писать ничего такого, что ограничивало бы его волю или мешало бы создателю их, т. е.

в данном случае буржуазии.

Страстное желание проучить бунтовщиков и дать им хороший урок настолько сильно охватило чикагскую буржуазию, что она, не довольствуясь кровавым побоищем, устроенным полицией на Сенной площади вслед за взрывом бомбы, все громче и настойчивее требовала крови "зачинщиков" разразившегося рабочего движения.

Все зло, по мнению капиталистов, заключалось в агитаторах. Не будь их — не было бы ни забастовок, ни этого "возмутительного" движения за 8-ми часовой рабочий день. Рабочие сами, думала буржуазия, не возбуждаемые агитаторами, никогда не осмелились бы требовать от хозяев того, чего те не хотят им дать.

А если это так, то надо взяться за "разбойников" анархисов, которые своей агитацией расстраивали все "хорошие" планы буржуазии, а главное сильно били ее по карману забастовками. И буржуазия решила использовать взрыв на Сенной площади, как удобный случай для расправы с теми анархистами, которых, по ее мнению, во что бы то ни стало надо было взять из обращения.

Началась фабрикация известного чикагского дела против анархистов. Полицейский капитан Шак и прокурор Гриннелъ пустились в поиски за "заговорщиками". Найти их не представляло особых затруднений, потому что все они, всегда и у всех, были на виду и всем известны, как анархисты, благодаря своим многочисленным открытым выступлениям на митингах во время забастовок и собраний профессиональных союзов рабочих.

Два из них к тому еще были редакторами рабочих газет: Шпис — ежедневной немецкой газеты "*Arbeiter Zeitung*", а Парсонс — английской еженедельной "*Alarm*". Другие привлеченные по делу, как Шваб и Фишер, сотрудничали в этих газетах и писали, разумеется, далеко не лестные для капиталистов статьи. Все они жили открыто, писали и агитировали открыто и никто из них не думал прятаться после взрыва на Сенной площади, во время которого некоторые из них были в совершенно другом месте, как, например, Линг на собрании юниона столяров. Более того, Парсонс, уехавший после

взрыва в шт. Висконсин, добровольно явился на суд, когда начался разбор дела, как оказалось для того только, чтобы его повесила ошалелая буржуазия.

Не взирая на все это, против восьми анархистов: Августа Шписа, Альберта Парсонаса, Луиса Линга, Майкеля Шваба, Самозла Фильдена, Джорджа Энгеля, Адольфа Фишера и Оскара Нибе было возбуждено обвинение в заговоре, следствием которого было убийство полицейского Дигана. Выше было указано, с юридической точки зрения, на всю абсурдность предъявления подобного обвинения кому бы то ни было. Но американский "справедливый и милостивый" суд несколько не чувствовал неловкости своего затруднительного положения.

Дело попало в руки "опытного" судьи Гэри, который нашел выход из этого щекотливого положения. "Мудрый" судья придал закону такое толкование, которое даже он сам называет "беспрецедентным" (т. е. не находящим примера в прежней судебной практике).

Анархистов, по заявлению судьи Гэри осудили не за то, "что они фактически принимали участие в террористическом акте, повлекшем смерть Дигана, а потому, что они в общем, посредством речей и печати призывали большие народные массы, не отдельные личности, а большие массы, к совершенно убийствам и предоставляли выполнение его, время и место воле и желаниям, или капризу или чему бы там ни было каждого отдельного человека, к которому обращались с этим призывом, и что, вследствие этого призыва и во исполнение этого призыва и под влиянием этого призыва, какой то неизвестный злоумышленник бросил бомбу повлекшую смерть Дигана. Это дело — без прецедента; в сводах законов нет примера, подобного этому делу..."

Губернатор Альтгельд по этому поводу, в своей цитированной выше книге, не без иронии замечает, что "судья, само собой понятно, высказал сущую правду, заявив, что это дело без прецедента, и что в сводах законов невозможно найти примера, которым можно было бы подтвердить правильность сделанного им толкования закона. Ибо во всех странах и во все времена, в продолжение которых существовала власть,

каравшая преступления, ни в одной цивилизованной стране не было судьи, который раньше сделал бы подобное толкование закона..."

Если такое мнение о судебной процедуре сложилось у крупного государственного чиновника, которого ни в коем случае нельзя заподозрить в симпатии анархистам, то можно себе представить до каких столпов низости докатились разные Гриннели, Гэри и их соратники, сбросившие всякую маску "законности".

Пришлось бы писать очень много, чтобы рассказать все то, что творилось прокуратурой, полицией и сыщиками во время, так называемого суда и следствия. Надо было бы рассказать целую эпопею о повальных обысках, налетах, избиениях, запугиваниях свидетелей, подкупах, массовых арестах, провокаторах, таинственном исчезновении свидетелей и многих других "подвигах", которыми хотели обессмертить свои имена отъявленные мерзавцы и продажные шкуры Гриннели, Шаки, Вонфильды, Гэри, Эберсолды и многие другие. Когданибудь эта бездна человеческого подлости будет изучена, исследована, записана и вынесена на общественный суд. А пока что пройдем мимо "подвигов" этих темных героев охранных отделений, и в заключение несколько остановимся на заключительном аккорде чикагской драмы.

* * *

Мучительно, долго тянущийся процесс подходит к концу. В давящей судебной атмосфере чувствуется дыхание смерти. Ее костлявая рука уже ищет намеченные жертвы, чтобы набросить на их шею петлю. Но судебная комедия все еще продолжается. Для чего то распинается прокурор перед теми самыми присяжными, которые с остервенением требовали истребления и крови анархистов. Бунтовщики в руках надежных "судей совести", которым чуждо все человеческое, которые не знают ни милости, ни пощады.

Жизнь или смерть восьми анархистов зависит теперь от купцов, торгашей, капиталистов и банкиров, именуемых присяжными заседателями, подобранных искусной рукой прокурора. Эти люди, конечно, выполняют свой "гражданский" долг и делают все то, чего от них потребует Гриннель. Их каменных сердец не могут поко-

лебать и тронуть пламенные речи тех, кого они давно уже обрекли на смерть. Гробам поваленным не дано понять оранных взлетов человеческой мысли, великих порывов в высь, за грани дряхлого, издыхающего старого мира.

Повесить... Роковое слово сказано. Торжествует еще раз темная сила. Распи! Распи их! — вопит озверелая буржуазия. Пять виселиц для тех, кто дерзнул заговорить о современных фарисеях и книжниках, кто возмечтал о воплощении на земле справедливости, красоты, свободы, равенства и братства. Истинно, нет горшего преступления, чем проповедь правды и света перед лицом царящего мрака.

День казни чикагских мучеников превращается в пытку самой буржуазии. Историки, описывающие распятие Христа, передают, что в момент казни его "земля колебалась и извергала своих мертвецов", — настолько чудовищным казалась казнь этого праведника. Чикагская буржуазия в день казни сидела, запершись, в своих дворцах и с минуты на минуту ожидала чего то грозного, страшного, неумолимого, которое может разразиться в любой момент и опрокинуть их дворцы, и все капиталистическое здание, чего не может предотвратить никакая хитрость, никакой обман, никакое преступление. На этот раз, однако, гроза не разразилась и буржуазия облегченно вздохнула. Но час расплаты придет, он нагрянет неожиданно, когда всего меньше его будет ожидать буржуазия и призовет ее на страшный день народного суда.

Анархистов вешают. Город принимает вид вооруженного военного лагеря. Солдаты, полицейские, пушки. На крышах тюрьмы и богатых домов — военная стража. Даже самые отъявленные мерзавцы и палачи чувствуют неловкость своего положения. Душить невинных людей даже для них кажется не легким делом. Пресловутый капитан Шак признается в своей книге, что от одного напряженного ожидания казни падали в обморок видавшие виды репортеры буржуазных газет, а шериф и его помощники при казни, от охватившего их страха, едва держались на ногах. Несомненно, присутствовавшая при казни буржуазная свора представляла жалкое собрание людей, более похожее на приговоренных к казни, нежели на тех, кто собирается казнить других

ими осужденных. Все они, казнившие анархистов, чувствовали, что висеть в петле должны они сами, а не те, кого они душили.

Чикагское дело стало теперь достоянием истории. Это — классический образец и выявление подлинной физиономии и сущности хваленого американского демократического республиканизма. Тот, кто не освободился еще от демократических и республиканских иллюзий — пусть немного ознакомится с этим делом и они у него испарятся.

Власть, какую бы она кличку ни носила, — жестока, беспощадна, деспотична. Нет безвредной, безобидной, благотельной, не стеснительной, не тиранической, спасительной власти. Всякая власть — враг рабочих и крестьян. Всякая власть защищает только богатых, помогает им угнетать и эксплуатировать бедняков, тащит на виселицу тех, кто восстает против несправды, тирании и порабощения.

Чикагское дело — это обвинительный акт против американской буржуазии, ее продажного суда и всего существующего капиталистического строя. Его надо изучать, о нем надо больше говорить и этим напоминать о совершенных американской демократией злодеяниях.

В наше время многое уже изменилось. Оказавшаяся бессильной раздавить рабочее движение тридцать шесть лет тому назад, буржуазия должна была признать за совершившийся факт укрепившееся с того времени трэд-юнионистское рабочее движение и ввести в организованных индустриях 8-ми часовой рабочий день. Профсоюзные организации рабочих, раньше наводившие на хозяев ужас, оказались не такими страшными после того, как юнионы всецело оказались под влиянием и в полном распоряжении самозванных "спасителей" рабочих лидеров, с которыми хозяева всегда могут столкнуться.

Восьми часовой рабочий день также оказался не особенно губительным для кармана капиталистов. Хозяйскому горю пособила машина и теперь, с ее помощью, капиталист больше выжимает из рабочего соков в течение 8 часов, нежели ему это удавалось раньше при более продолжительном рабочем дне. Рабочий же, как был, так и теперь остается при старом разбитом корыте.

Очевидно, что нужно нечто иное, более решительное, чем борьба за улучшение экономического положения в рамках существующего капиталистического строя, для того, чтобы радикальным образом изменить положение трудящихся из зависимого от кучки эксплуататоров в независимое ни от кого и свободное.

Потгибшие в Чикаго анархисты говорили и мы теперь повторяем, что наемному рабству и эксплуатации придет конец только тогда, когда будет уничтожена существующая капиталистическая система. И теперь, после долгих бесплодных усилий и жертв, потраченных на завоевание мелких экономических улучшений, настала пора мобилизовать все живые и боевые силы рабочих для того, чтобы объявить войну не тому или ино

дению и атаке всю капиталистическую твердыню.

Организуйте, товарищи, подпольные группы, собирайтесь с силами, чтобы в нужный момент выйти на последнюю и решительную схватку с нашими эксплуататорами и угнетателями. Революция, товарищи, уже чувствуется. Она может разгореться неожиданно, внезапно...

Долой всякую власть: республиканскую, советскую, рабочую, буржуазную, красную и белую!

Да здравствует анархистская революция!

Да здравствует безвластие, равенство, свобода и братство!

Вечная слава павшим борцам!

U. S. America.

Ноябрь 1923 г.

БЕССМЕРТНАЯ ПОШЛОСТЬ.

Дельта.

му отдельному капиталисту, а подвергнуть напа-

С глубоким интересом относился сейчас, очевидно, Западная Европа к происходящим в России событиям. Так много здесь новизны, так много здесь самых разнообразных превратностей, так много здесь "чудес", что вся мировая история начинает казаться какой то неудачной прелюдией к этим феноменальным событиям. Мы пережили здесь божественное вдохновение французской революции, очаровавшей своими идеалами даже реакционных писателей, мы пережили также какую то доисторическую эпоху, когда всякий дикарь центральной Африки или Австралии считал бы себя здесь великим человеком, мы пережили здесь целую эпоху какого то кошмарного азиатского "социализма", выражающегося в моральном идиотизме, кровавых вакханалиях, грабежах и убийствах; мы испытали точно также все прелести паратвайского общества иезуитов, мы видели здесь в действительности все ужасы и безумия Инквизиции. Но умерли к нашему счастью многие ужасы русской действительности и мы начинаем уже гордиться величием Рима и Греции. У нас уже не только что считаются с понятиями права, но создаются даже новые гражданские и уголовные кодексы; у

нас глубоко чувствуется также стремление римских цезарей к мировой гегемонии, стремление к провозглашению всемирной "социалистической монархии".

Мы переживаем в настоящее время эпоху цветущей Эллады, когда искусство и философия достигли величайшего совершенства, увенчав себя ореолом бессмертия, когда всякое проявление жизни казалось божественным проявлением красоты и мудрости. И только в наши дни, в России, можно было бы жить королю жизни и слова Уайльду, стремившемуся создать из своей жизни произведение искусства. У нас так много появилось всевозможных "писателей", "художников" и "музыкантов", что перед их гениальным творчеством начинают бледнеть уже в России безмертные имена Фидия и Праксителя, Софокла, Эхила и Эврипида, Рафаэля, Тициана, Микель Анджелло и Леонардо да Винчи. Забыты уже нами имена Байрона и Шекспира, Гете и Шиллера. Музыка Вагнера и Бетховена нам кажется уже каким то "идиотским карканьем". Такие же люди, как Данте и Мильтон, считаются навеки умершими для России. Что же касается Толстого и Достоевского, то "вся-

кий средний гражданин большевистского государства равен этим писателям“.

Бедные философы! Разве выдерживают какую либо критику ваши понятия времени и пространства, когда мы сумели пережить в течении 5-ти лет несколько целых эпох и столетий? И разве не подтверждаются мысли “безумного” Ницше о “вечном возвращении”.

В последнее же время у нас так много появилось самых разнообразных фокусников и балаганных клоунов, что находящиеся здесь китайцы не находят уже благодатной почвы для своей деятельности. Больше всего появилось, конечно, этих фокусников и балаганных шутов среди “политических” деятелей, а в частности и среди анархистов. Они не обладают, конечно, чудесной техникой китайцев и не встречаются, поэтому на улицах и площадях. Они стараются занять роли придворных шутов. Так, например, были некогда анархистами, словно свалившиеся с Неба, “братья Гордины”, но очень скоро ушли от анархистов: шутами быть выгоднее и интереснее. И одному богу известно (даже и сами Гордины не знают этого), сколько всевозможных метаморфоз и сколько перевоплощений пришлось пережить этим людям. (Впрочем, очень виноват перед ними: они уже называют себя “бывш. человеками”). Но слава этих шутов уже, повидимому, поблекла, так как, в занятом ими Паноптикуме (разве не подходящее помещение?), они принимают в последнее время “вид размышляющих” и начинают читать “лекции о любви” и “позобратальни сверхчеловечества”.

Так умерли увеселения московских анархистов. И всюду царило уныние. И было жаль отошедших шутов. Мы, ведь, привыкли к зрелищам.

Но, к нашему счастью, вместо ушедших “братьев Гординых” появился в Москве целый цирк. Хотя злые языки и говорят, что пестрота их одежд производит на зрителя не очень приятное впечатление, но они опровергают эти слухи торжественными клятвами, что никакой пестроты не может быть в этих идеологических одеждах, ибо их объединяет единая классовая и профессиональная воля.

Имена этих актеров не говорят, разумеется, ничего ни уму, ни сердцу. О многих из них не знаем ничего даже и мы, москвичи. Главные

актеры следующие: Базыльчук (Шидловский), Белковский, Виноградова, Гейцман, Гоннер, Лепин, Михайловский, Ротенберг (Элик), Симонович и Типовицкая. Но какое значение имеют имена в сравнении с творчеством, логикой и мышлением человека? Ведь мы интересуемся больше всего не именами, а поступками, творчеством и деятельностью носителей тех или других имен.

В своей декларации “Анархо-синдикализм и коммунизм” (“Известия В. Ц. И. К.”, 9 сентября 1923 г., № 203) они удостоили нас чести узнать кое что о “жизни и деятельности” этих “замечательных людей”.

Они, “русские анархисты-коммунисты и анархо-синдикалисты, активные участники Октябрьской Революции, работали рука об руку с большевиками, как в период подготовки Октября, так и в разгар борьбы за власть советов”. Они “несли на себе вместе с большевиками всю тяжесть труда на всех фронтах империалистической интервенции и в повседневной борьбе с буржуазно-монархической и псевдо-социалистической контр-революцией”.

Это все, что они говорят нам о себе. Но, думая, что каждый из них равен Толстому, Бакунину, Штирнеру и Кропоткину (так думать принято у нас), они занялись “серьезной” “переоценкой ценностей”. К этому великому и благородному подвигу они призывают и нас. “Мы призываем, — пишут они, — товарищей анархистов со вниманием рассмотреть наши тезисы, которые вкратце суммируют наши взгляды, сложившиеся в результате шестилетней работы в огне величайшей из революций”.

В чем же выражаются их взгляды? Они выражаются в том, что коммунистическая партия является истинной богиней Свободы (не даром эти трубадуры поют ей такие восторженные гимны), и что большевистский Интернационал есть истинный Мессия, пришедший на русскую землю для осуществления своего тысячелетнего царства. Разве не забавными шутами кажутся они нам, когда сообщают в своей декларации о тождестве “идей Коминтерна с лучшими заветами социалистической мысли и творчества”? Разве не хочется смеяться, когда они стараются доказать нам, что черное есть белое, а белое есть черное? Разве не балаганный клоун может

доказывать в наше время, что есть какая то разница между фашизмом и большевизмом?

Для того, чтобы придать своим утверждениям некоторую серьезность, они рисуют перед нами всевозможные картины "буржуазной реакции". Они стараются запугать нас тем, что, в сущности, и не кажется уже таким страшным.

"Волна реакции, — пишут они, — все более и более ширится, и во многих странах создается весьма угрожающее положение. Уничтожаются рабочие организации, беспощадно подавляется всякое стачечное движение, а локауты подвергают вымиранию от голода десятки тысяч рабочих семейств. Буржуазия стремится в корне подорвать все усилия рабочего класса к организации, пытаясь довести его до полного распыления, чтобы, пользуясь его разрозненностью, окончательно покончить с ним, как с самостоятельной силой, вернув рабочий класс в правовом отношении к временам рабства".

Нет никаких сомнений, что авторы этого "страшного" сообщения не так уж хорошо знакомы с правом, как этого можно было бы ожидать, от этих государственных и политических "деятели". Что же касается этой страшной буржуазной реакции, то ею нас уж так не запугаешь (не так, ведь, страшен чорт, каким его малюют). Мы переживаем в России такую реакцию, которая и во сне не снилась европейским и американским рабочим. Мы переживаем эпоху реакции дикой, свирепой и разнузданной, напоминающую собою какую то азиатскую чуму, сметающую с лица земли всякие проявления свободной мысли и всякие попытки свободного творчества.

В Европе уничтожаются рабочие организации, а у нас их совсем нет (кроме казарменно-государственных профессиональных союзов). Там подавляется стачечное движение, а у нас всякая стачка является государственным преступлением; там умирают от голода десятки тысяч рабочих, а у нас умерли и умирают от того же голода сотни тысяч; в буржуазных тюрьмах томятся сотни рабочих, а у нас сотни тысяч, в буржуазных странах были расстреляны и повешены десятки, а может быть и сотни лиц, а у нас за время большевистской диктатуры было убито около двух миллионов

человек в буржуазных странах существует желтая пресса (существует даже и анархическая!), а у нас издаются только правительственно большевистские "Известия". Впрочем, Васья, ведь, этого не видит: он только слушает да ест.

И, тем не менее, они считают все таки, что это и есть подлинная революция, что это и есть та новая культура, культура гармонии и свободы, к которой стремилось человечество в течение целых столетий. Это и есть, по их мнению, тот золотой век, о котором грезил только поэты. И эти люди думают, ведь, так серьезно. Чем же можно им ответить на это, как не подозрительным отношением к их психической деятельности? Было бы полезно, пожалуй, побывать им в институте психиатрической экспертизы. Кто знает, быть может это и опасное заболевание, если только не особый вид какого то морально-политического кретинизма?

С другой же стороны, они стараются доказать нам, что никаких аномалий в их психике не наблюдается. Они, ведь, пробуют говорить языком социологов, понимая, конечно, по своему все социальные явления. Но вся их "социология" оказалась почему то несостоятельной. Не потому ли, что эти социологи "верили" и "ждали". А, ведь, помнится, что ни один из социологов не учил нас надеяться, верить и ждать. "Мы ждали и надеялись, — пишут они, — на установление диктатуры пролетариата во всех капиталистических странах Европы и Америки, так как мы признали эту диктатуру неизбежной исторической фазой по пути к достижению безвластного общества".

Но вот прошло шесть лет и не оправдалась их вера, ибо делу революции изменил "европейский пролетариат, руководимый антикоммунистическими партиями". Да, очень досадно, что так безразлично отнесся европейский пролетариат к нашим социологам. Отчего бы ему и не оправдать их веру? Отчего бы ему и не устроить у себя какую либо кровавую вакханалию, чтобы доставить хотя бы временное удовольствие разным глашатаям "мерзости и запустения"? Очень жаль!..

"При таких обстоятельствах, — читаем мы далее, — говорить о своевременности анархической революции не приходится". Даже более то-

го: "в такое время совершенно недопустимой со стороны анархистов тактикой является пропаганда распыляющего силы рабочего класса федерализма, критика Красной армии, как агрессивно-милитаристической силы и защита от преследований со стороны рабочего государства псевдо-социалистической русской контр революции, ориентирующейся на восстановление капиталистического строя. Особенно же ошибочным является консервирование пережитков индивидуализма, приведших к отрицанию целесообразности диктатуры пролетариата в переходный исторический момент, как будто этому реальному боевому лозунгу можно противопоставить что либо другое".

Да, трудное положение! Придется всем анархистам отказаться от анархизма, если только невозможно завтра же осуществить свои идеалы. Придется, значит, перейти к большевикам и быть шутами Его Величества... Сначала нам будет неудобно в шутовских нарядах, а затем все мы привыкнем к своему положению и будем устраивать такие увеселения, что даже и буржуазия преклонится перед нами. Достаточное количество балаганов нам предоставят великодушные большевики.

Отчего же не сделать этого еще и потому, что, ведь, и "октябрьская революция следует лучшим традициям I Интернационала, и что руководящая ею коммунистическая партия давно уже размежевалась с социал-демократией"? Эта партия, ведь, тоже.... анархическая. "Базируясь на теории революционного марксизма, она в то же время впитала в себя все то, что не является пережиточным в теории безгосударственного социализма. Коммунистическая партия четко определила свое отрицательное отношение к государству". (Здесь речь идет, очевидно, о государстве правом, которое безусловно неприемлемо для большевиков).

Вот почему они твердо "уверены в том, что... нет другого пути, кроме тесного объединения вокруг Коминтерна и Профинтерна". А мы слова и не приметили! Мы не знали того, что наступил уже "тот момент, когда пересмотр программы и тактики и переоценки различных ценностей становится настолько насущной потребностью, что только малодушие или сектантская

узость могут воспрепятствовать некоторым товарищам анархистам сделать это".

Разве мы не должны выразить этим актерам нашу сердечную благодарность за это "великое" открытие?

"Нельзя, — поучают они нас, — мечтать о недостижимом". Впрочем, об этом говорил даже и Козьма Прутков: "не пытайся объять необъятное". Разве подобная мудрость может умереть когданибудь в нашем сознании? Напрасно также "анархическая мысль стремится к синтезу взаимоисключающих идей", как, например, учений Годвина, Толстого, Штирнера, Бакунина и Кропоткина. Зачем все это подвергать какому то анализу или синтезу, когда можно поклониться единому Марксу? Это, ведь, значительно проще и легче.

И вот они кланяются: кланяются непогрешимому папе Марксу, кланяются своей владычице Коммунистической партии, кланяются Коминтерну и Профинтерну, имея достаточно наглости призывать к этому и других анархистов. Это уже не что иное, как самая отвратительная безсмертная пошлость.

К Васке лучше подходит шапка, когда он, этот Васка, с единой коллективной и профессиональной волей, обращается к своим братьям анархо-синдикалистам, убеждая их "понять неизбежность диктатуры пролетариата". "Признание ими этого факта, — говорят они синдикалистам, — ознаменовало бы собой наступление поворотного момента в анархо-синдикалистском движении и стерло бы постепенно грань между коммунизмом и анархо-синдикализмом". Вот что значит говорить близкому человеку: здесь и слова их звучат как то нежнее и интимнее.

Давно, давно пора, — можем сказать и мы, — разве вы не близкие братья по духу? Добрый путь вам, несчастные актеры! В рядах анархистов вам нечего делать! Давно пора вам получить членские билеты Р. К. П. и служить "верой и правдой", как и подобает истинному патриоту, своему большевистскому отечеству, хотя вы и "не считали, однако, до последнего времени целесообразным слиться с ними (коммунистами) в единой партии". Значит, напрасно люди клеветали на вас, напрасно они говорили, что вы ходили с челобитной к большевикам и просили

их, чтобы они вас приняли к себе, а они вас прогнали! Но пусть эта клевета не угнетает вас! Если бы даже все это и случилось так, то все же большевики не оставят своих верноподданных безутешными: они назначат вас хотя бы прокурорами по политическим делам, а в частности, и по делам анархистов. И вы, конечно, не откажетесь от этого, ибо вы "до конца последовательны". В крайнем случае, вы будете незаменимыми помощниками большевикам в ловле всевозможных контр-революционеров и социаллистов.

Вот до какой пошлости могут дойти иногда люди!

Но кто знает, быть может прав был и Софокл, говоривший когда то, что рано или поздно, но все же отомстят Эвмениды тому, кто не только своими злодеяниями, но даже и своими мыслями мог наложить позорное клеймо на величие человека. Так и за всякие пошлые мысли

"Постигне безумца великая скорбь
И мудрости поздней научит".

Москва, 12 сентября, 1923.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. А. Карелин.

(Продолжение).

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Международное Товарищество Рабочих составилось из отделов (секций). Секцию Международного Товарищества составляла или группа рабочих какого либо определенного ремесла, какой либо определенной профессии или же группа рабочих разных промыслов, связанных между собою одною местностью и общими взглядами.

Впрочем, в Международное Товарищество принимались и "рабочие" умственного труда и даже богачи, как например, нажившийся и прекративший эксплуатацию своих фабричных рабочих, Ф. Энгельс.

Если секций было немного, они устраивали местный комитет. Если же секций было много, они объединялись в Федерацию, которая выбирала федеральный комитет. Этот комитет заботился о поддержании заработной платы на высоком уровне, защищал рабочие интересы и стремился объединить рабочих для борьбы с капиталистической эксплуатацией.

В Бельгии все федерации были объединены и ими был избран "главный бельгийский совет" Международного Товарищества Рабочих. Во Франции федерации не были объединены, но федеративный комитет парижских федераций играл до некоторой степени объединяющую роль.

По предложению Базельского конгресса, в секциях товарищества не было президентов. Взносы в секции были значительно выше взносов в федеральный комитет, а взносы в этот последний были выше взносов в Главный Совет. Главные средства Товарищества состояли, впрочем, из сборов по мастерским и тратились на поддержание стачек.

Главный комитет Товарищества состоял из председателя, казначея, главного секретаря, финансового секретаря, корреспондентов разных стран и членов Совета.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Деятельности Международного Товарищества Рабочих и деятельности его энергичных членов посвящена вся эта книга. В этой главе мы отметим только энергичную деятельность Товарищества в деле поддержания забастовок. Во время стачек шла пропаганда идей Товарищества; забастовщикам оказывалась денежная и моральная поддержка.

Варлен писал об одной из таких стачек: "Эта стачка должна быть для вас прекрасным поводом для пропаганды... В особенности, скажите им (забастовщикам), что они должны сгруппироваться, организоваться, стать солидарными, войти в международный союз рабочих для того, чтобы обеспечить себе помощь всех и чтобы по-

лучить возможность бороться со всякими плохими обстоятельствами».

Громадное число забастовок имело своим следствием присоединение забастовщиков к Международному Товариществу Рабочих. Правда, такие присоединения носили иной раз чрезвычайно малосознательный характер, но в Товариществе не было недостатка в энергичных пропагандистах в большинстве случаев, рабочих же, и малосознательные товарищи становились сознательными.

В. Засулич говорила о влиянии первого Интернационала на рабочих следующее: "Хотя нормандский ткач или бельгийский углекоп присоединился к Интернационалу, не прочтя его статуты, все таки это присоединение вносило массу нового в его жизнь, заставило его сразу понять и пережить потрясающие вещи. Он, одинокий рабочий, быть может, с самого детства ни от кого не видавший никакой помощи, лишь смутно сознававший свою солидарность с тем товарищем, который изо дня в день, рядом с ним падрыгается над тем же непосильным трудом, вдруг сознал, воочию увидел свою солидарность с миллионами пролетариев всего мира. Он не мог не почувствовать, что с рабочими какого то далекого чуждого города, самого имени которого он раньше не слышал, посылающими ему в тяжелый момент стачки свои заработанные гроши, у него неизмеримо больше нравственной связи, чем с соотечественником хозяином, чем со всеми его сытыми согражданами, всегда становившимися на сторону хозяина... Даже в тех местностях, куда Интернационал не проникал, где рабочие только слышали о его существовании, они находили уже в нем нравственную опору и одобрение".

Заметим еще, что в разных странах организации Международного Товарищества издавали не один десяток газет.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

2—7 сентября 1867 года состоялся в Лондоне второй конгресс Международного Товарищества Рабочих. На конгрессе присутствовали 18 французских делегатов, два делегата англичанина, один делегат бельгиец, два делегата итальянца, шесть делегатов из Германии, 38 делега-

тов, швейцарцев и четыре члена Главного Совета. Делегат из Америки не прибыл, так как Главный Совет не имел точного адреса американских товарищей.

Доклад Главного Совета объяснил, почему им не были исполнены некоторые постановления Женевского конгресса: не были изданы его протоколы, не был издан даже один № бюллетеня, не был приготовлен доклад по статистике труда (отсутствие денег и некоторые другие затруднения), перечислил случаи вмешательства Главного Совета в стачечную борьбу, дал очерк положения рабочего дела в разных странах. В конце доклада, между прочим, значилось: — "Последний процесс, начатый лондонскими хозяевами-портными против рабочих, осуждение парижских рабочих портных, избитие углекопов в Маршлене (Бельгия) — все это факты, ясно показывающие, что общество состоит только из двух враждебных друг другу классов — угнетателей и угнетенных — и что одна только солидарность рабочих всего света может нам дать интегральное освобождение, которое является целью, преследуемой Международным Товариществом Рабочих.

Конгресс рекомендовал Главному Совету, в случае невозможности издавать Бюллетень, разсылать каждые три месяца письменные сообщения в центральные советы разных стран.

Горячие дебаты о коллективной собственности на землю сделали Лозаннский конгресс интересным. Де Пап произнес речь в защиту коллективной собственности на землю и за нее же высказались Эккартус, Леснер, Стамп, Шгумиф, Лодендорф и Беккер.

Было решено изучить этот вопрос к следующему конгрессу.

Представленный конгрессу и очевидно им одобренный доклад Лонге рекомендовал учреждение национальных банков, доставляющих рабочим даровой кредит и организацию общества взаимопомощи. По предложению Эккартуса, к только что указанным пожеланиям было присоединено обращение к профессиональным союзам предложение помещать свои деньги (фонды) в производительные товарищества, вместо того, чтобы вносить их в банки буржуазии.

Тем не менее, конгресс указал, что произво-

дательные товарищества могут создать четвертое сословие, имеющее ниже себя еще более бедное — пятое сословие рабочих. Впрочем, по мере того, как промышленность все более и более организуется на крупных началах, такая опасность исчезает. Пролетарии должны проникнуться мыслью, что социальный переворот может быть совершен окончательным и радикальным образом только средствами, действующими на все общество в его целом и при том средствами, основанными на взаимности и справедливости. При наличии таких оговорок, конгресс одобрил усилия рабочих ассоциаций, заявив, что эти ассоциации должны проникнуться идеей взаимности и федерации, что в них, насколько это возможно, не надо делать вычеты в пользу капитала.

Далее конгресс указал на необходимость обязательного, бесплатного и светского обучения малолетних, на то, что родители не имеют права лишать своих детей образования.

Конгресс высказался за всеобщий язык и реформу орфографии, считая такой язык и такую реформу средствами, могущими способствовать единению народов и братству наций.

Конгресс указал далее, что государство должно быть только строгим исполнителем законов, вотированных и признанных гражданами.

Нации должны стремиться к тому, чтобы сделать государство собственником средств транспорта и обращения, с целью уничтожить могучую монополию больших компаний. Высказывается пожелание, чтобы подсудимый был судом гражданами, избранными всеобщим голосованием.

Конгресс заявил, что социальное освобождение рабочих неотделимо от их политического освобождения, что установление политической свободы является первой абсолютной необходимостью, что все народы должны энергично добиваться неотъемлемых прав 1789-го года.

В адресе, poslanном "Лиге Мира и Свободы", собравшейся на конгресс в Женеве, Лозаннский конгресс указал, "что война особо тяжело отражается на рабочих, лишая их средств существования и заставляя проливать кровь; что вооруженный мир парализует производительные силы, требует выделки бесполезных предметов, застраивает угрозами войны производство; что

мир — первое условие общего благосостояния — в свою очередь должен быть укреплен новым общественным строем, не знающем деления на классы, из которых один эксплуатирует другой. Конгресс Интернационала решает поддержать конгресс мира, участвуя во всем — что будет предпринято для уничтожения постоянных армий и для поддержания мира с целью возможно скорого освобождения труда от власти и влияния капитала, с целью образования конфедерации свободных государств всей Европы..."

Конгресс дал Главному Совету право кооптировать новых членов.

Конгресс установил годовой членский взнос в 10 сантимов (4 копейки).

Во время дебатов было указано, что стачки не могут разрешить рабочий вопрос.

Из докладов секций (отделов) отметим, что секция Невилль сюр Саон снова подняла вопрос о рабочих ручного и умственного труда и писала в своем докладе: — "мы должны принимать к нам только рабочих ручного труда, не имея возможности рассчитывать на удачу нашего общественного предприятия другим путем, чем объединение общих всем интересов".

М. А. БАКУНИН В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

В июле 1868-го года М. А. Бакунин входит членом в женеvскую секцию Международного Товарищества Рабочих. Он ведет неустанную, энергичную пропаганду словом и пером, работает в газетах Интернационала, читает лекции, пишет большие письма по разным общественным вопросам, посещает рабочие собрания. Своей полемикой с Мадзини Бакунин вызывает в Италии сильное умственное движение среди студентов и рабочих, благодаря чему в Италии появляются многочисленные отделы (секции) Интернационала. Друг Бакунина — член Международного союза социалистической демократии — Фанелли едет в Испанию и основывает там в Мадриде и в Барселоне секции Международного Товарищества Рабочих.

Среди рабочих швейцарской Юры слагалось уже представление о вольном, отрицающем принудительную власть социализме. "Он, — пишет П. А. Кропоткин о М. А. Бакунине, — помог юрским друзьям разобраться в мыслях и точно

выразить их стремления; он сумел вселить могучий, непреодолимый, революционный энтузиазм“.

Бродившие среди рабочих масс и много раз провозглашенные разными писателями идеи коммунизма М. А. Бакунин слил в одно целое с идеями интегральной свободы, свободы мыслимой только при безвластии, вне каких бы то ни было государств. Он на низах видел своими зоркими глазами настоящие творческие силы и счел нужным предостеречь товарищей по Интернационалу от опасностей власти внутри этой организации и указать на необходимость рабочих организаций.

М. А. Бакунин печатно изложил свои воззрения по вопросу об организации Интернационала и с этими воззрениями не мог согласиться ни Маркс, ни ученики последнего, между прочим, и потому, что организованный на указанных Бакуниным основаниях Интернационал ускользал из их властных рук.

Бакунин указывал, что в основу организации Интернационала должны лечь рабочие союзы, что “с того момента, когда все виды промышленности будут представлены в Интернационале, включая сюда и разные виды земледельческого труда, организация народных масс будет закончена“.

Рабочим остается только один путь, путь практического освобождения.

Какова же может и должна быть эта практика? Существует только одна. Это солидарная борьба рабочих против хозяев. Это — тред-юнионы, организации и федерации масс сопротивления“.

(То есть, рабочих союзов).

Бакунин резко протестовал против попыток создать в Интернационале начальство. “Это мнение — за начальство в Интернационале сопровождается, — писал М. А. Бакунин, более или менее ловкими подходами и демагогическими комплиментами по адресу великой мудрости и всемогущества верховного народа. Мы всегда страстно боролись против него, потому что мы убеждены, что если Международное Общество Рабочих будет разделено на две группы: одну, заключающую в себе громадное большинство и состоящую из членов, вся наука которых будет состоять только в слепой вере в теоретическую и практическую мудрость своих вождей; и другую, состоя-

щую только из нескольких десятков правителей, — это учреждение, которое должно освободить человечество, превратится само в некоторого рода олигархическое государство — худшее из всех государств.. Это прозорливое, ученое, искусное меньшинство, которое примет на себя всю ответственность и права правительства, тем более самодержавного, что его деспотизм заботливо прячется под внешней оболочкой учтивого уважения к воле и решениям, всегда им самим продиктованным, этой якобы народной воли; это меньшинство, говорим мы, повинувшись необходимости и условиям своего привилегированного положения, и подвергаясь общей участи всех правительств, постепенно будет становиться все более и более деспотичным, зловредным и реакционным...“

Не трудно понять как относился ко всему этому К. Маркс, стремившийся управлять Интернационалом, Маркс, который писал Энгельсу (письмо от 11-го сентября 1868 г.): — “грядущая революция ближе, чем то кажется и мы (то есть, я и ты), будем иметь в наших руках это могущественное орудие...“ (Международное Товарищество Рабочих).

Для К. Маркса — выходца из политически отсталой страны, — для этого писателя, не могшего отделаться от влияния Гегеля, — государство надо было починить и оно должно было играть роль в деле улучшения быта народных масс. Бакунинский взгляд на задачи Интернационала, как на задачу “окончательного и полного освобождения рабочих и народного труда от ига всех его эксплуататоров-хозяев, владельцев сырого материала и орудий производства, словом всех представителей капитала“ и как на задачу “уничтожения всякой политики, посредством разрушения Государства“ не мог быть понят в его второй части, а тем более не мог быть принят Марксом.

Маркс понял все таки, в какой грозный ураган обратилась бы деятельность Международного Товарищества Рабочих, раз в нем укрепилось бы учение Бакунина и он неустанно боролся с влиянием Бакунина, боролся, не разбирая средств.

Говоря о роли М. А. Бакунина в Международном Товариществе Рабочих нельзя не приве-

сти следующие слова П. А. Кропоткина: — "В эпоху, когда разгром Франции, избиение парижских пролетариев после Коммуны и военное торжество немецкой империи открыли период реакции, продолжающейся поныне, и когда Маркс со своими друзьями, помощью подпольных интриг, захотел обратить всю деятельность рабочего Интернационала, созданного для прямой борьбы с капитализмом, в орудие парламентской агитации на пользу обуржуазившихся социалистов — "бывших людей" — тогда Федеративный Интернационал, вдохновляемый Бакуниным, выступил единственным в то время оплотом против обще-европейской реакции".

ТРЕТИЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Третий конгресс Интернационала собрался в Брюсселе. На нем присутствовало 98 делегатов и членов Главного Совета: — 18 делегатов от Франции, один от французской ветви Интернационала в Лондоне, 56 бельгийцев, 3 англичанина, 8 швейцарцев, 4 немца, один испанец, 7 членов Главного Совета. На этом конгрессе присутствовали и делегаты больших рабочих организаций.

Конгресс начался 6-го сентября и окончил свои занятия 13 сентября 1868-го года.

30-ю голосами против 5 (при 15-ти воздержавшихся), конгресс высказался за то, что рудники, каменноугольные копи, каменоломни и т. д., так же, как и железные дороги, должны принадлежать общественному коллективу — новому государству, — работать же на них должны товарищества рабочих. Этому же коллективу должны принадлежать пахотные земли и леса (переданные для производства сельско-хозяйственным товариществам), каналы, дороги, телеграфные линии и средства сообщения.

Делегаты единодушно заявили, что машины так же, как и все общественные орудия труда, должны принадлежать не капиталистам, а рабочим. Большинство конгресса думало, что можно добиться осуществления только что указанного пожелания, устраивая производительные товарищества и организуя взаимный кредит. Конгресс полагал, что в настоящее время введение машин должно производиться при наличии известных гарантий и при выдаче средств оставшимся (бла-

годаря введению машин) без работы рабочим.

"Лига Мира и Свободы" пригласила Интернационал присутствовать на ее следующем конгрессе в Берне. Представители Главного Совета заявили, что лига, преследуя те же цели, что и Международное Товарищество Рабочих, не имеет оснований существовать от него отдельно и конгресс, согласившись, в своем большинстве, с этими господами, предложил лиге присоединиться к Интернационалу. Пап, Перрон, Лонге и Беккер протестовали против такого решения. Позднее протестовали и заключенные в тюрьме члены парижской комиссии: они указывали, что решенный вопрос не находится в порядке дня конгресса, что такую резолюцию делегаты могли принять не иначе, как посоветовавшись со своими группами и что "право считать себя единственным выразителем эпохи не может принадлежать отдельному Товариществу, каково бы оно ни было".

Брюссельский конгресс интересен и своим отношением к войне.

Во время дебатов о том, какое положение должны занять рабочие в случае войны между европейскими державами, Каталан (из Женевы) говорил, что "война не зависит от общественного мнения; так например, в 1866-м году повсеместно протестовали против нее: журналисты, мыслители, буржуа, кунцы, рабочие были единодушны. И однако мы имели войну более ужасную, чем войны старых времен". Он указал далее, что имеются два способа вмешаться в подавление войны — отказ от военной службы и отказ от работы: последний метод должен быть победоносно применен Интернационалом. "Вы — буржуа, — продолжал Каталан, — вы, желающие иметь сильные правительства, чтобы держать в повиновении рабочие массы, парламенты, дающие своим актам видимую санкцию справедливости, закрывающие глаза на печальное экономическое положение, вы хотите сохранить все, что порождает войну".

Особенно резко высказались против войны бельгийские делегаты. Как способ борьбы с войною, де Пап предлагал "отказ от военной службы или — что тоже самое, так как армиям надо потреблять — отказ от работы". Спелль — тоже бельгиец — предлагал "выдвинуть против вой-

ны заговор всего рабочего люда“.

Генен — делегат антверпенских рабочих и “вольных рабочих” г. Вербье — говорил: “если война станет неизбежной, я закликаю рабочих не стрелять друг в друга... мы все братья: нет причины, могущей побудить нас отправиться уби- вать себе подобных, которых мы никогда не ви- дели и не знали. Единственным средством поста- вить в тупик этих скандалистов деспотов зак- лjučается в братании, в под’еме в знак мира, взамен стрельбы по безобидным братьям, ру- жейных прикладов“.

Брюссельский конгресс единогласно принял следующую резолюцию: “принимая во внимание, что справедливость должна регулировать отно- шения между естественными группами, народами, нациями, так же, как и между гражданами, что основной причиной войны является недостаток экономического равновесия.

что война всегда была доводом сильнее- шего, но не санкцией права, что она является сред- ством подчинить народы привилегированным клас- сам и правительствам, которые представляют эти классы;

что война укрепляет деспотизм, душит сво- боду (как на пример указывалось на последние войны Италии и Германии);

что, сея траур и разорение в семьях, сея деморализацию везде, где сосредоточиваются армии, война поддерживает и увековечивает не- вежество и нищету;

что золото и кровь народов служили толь- ко для того, что бы поддерживать среди народов дикие инстинкты первобытного человека;

что в обществе, основанном на труде и про- изводстве, сила может быть отдана на службу свободе и праву каждого, что она может быть только защитой, а не угнетением, хотя бы дело шло об одном только полезном члене общества;

что при современном положении Европы правительства не представляют законных инте- ресов рабочих;

что, хотя война имеет свой главный и по- стоянной причиной недостаток экономического ра- вновесия и не может быть поэтому уничтожена иначе, как социальным преобразованием, но, все же ее второстепенной причиной является про- извол-результат централизации и деспотизма;

что с настоящего времени народы могут уменьшить число войн, противясь тем, кто их делает и объявляет;

что в особенности это право принадлежит рабочим классам, почти исключительно призыва- емым на военную службу и что они одни могут дать этому праву санкцию;

что рабочие классы имеют для этого прак- тическое легальное и немедленно осуществимое средство;

что общество, во истину, не может жить, если производство остановится на известное вре- мя; что достаточно производителям перестать производить для того, чтобы сделать невозмож- ными предприятия самовластных и деспотиче- ских правительств, —

Собравшийся в Брюсселе конгресс Между- народного Товарищества Рабочих объявляет, что он с величайшей энергией протестует против вой- ны.

Конгресс приглашает все отделы Товарище- ства, каждый в его стране, а также все рабочие общества и все, какие бы то ни было группы рабочих действовать с наибольшею энергией для того, чтобы помешать войне народа с народом, каковая война должна считаться в наше время гражданской, потому что, возникнув между про- изводителями, она будет войной между братья- ми, между согражданами.

В особенности конгресс рекомендует рабо- чим прекращать работу в том случае, если война разразится между странами. Конгресс рассчиты- вает на дух солидарности, который воодушевляет рабочих всех стран и надеется на их опору в этой войне народов против войны“.

К сожалению, Главный Совет Интернацио- нала не только не провозгласил во время бли- жайшей войны вышеприведенных принципов, но один из членов этого Совета К. Маркс писал о “бельгийской глупости желать сделать стачку против войны“.

Брюссельский отдел Интернационала пред- ставил конгрессу подробно разработанный док- лад о стачках и об их значении в рабочей бо- рьбе.

Конгресс предложил устроить в каждой фе- дерации рабочих союзов комиссию из делегатов, которая должна была, по мнению конгресса, су-

дить об удобстве и "законности" предполагаемых стачек. Эту комиссию конгресс назвал "советом арбитража", хотя в нее не должны были входить представители предпринимателей или сами предприниматели.

Конгресс предложил отделам Товарищества устраивать публичные курсы, на которых бы давалось общедоступное общее образование — научное и профессиональное.

Было постановлено добиваться сокращения рабочего дня законодательным путем. Конгресс высказался за учреждение банков для обмена продуктов на продукты по их действительн. цене. Такое учреждение имело, по мнению конгресса, целью сделать кредит демократическим и равным, упростить отношения между производителями и потребителями, т. е. спасти труд от владычества капитала, отвести последнему естественную и законную роль агента труда.

Конгресс понимал, что производительные и потребительные ассоциации рабочих могут создать четвертое сословие, поднимающееся над более несчастным — пятым. Для избежания этого, резолюция указывала принципы, которыми должна была руководствоваться каждая кооперативная ассоциация организованная сообразно принципам Интернационала, имеющего одну только цель — вырвать из рук капиталистов средства производства и передать их в руки законных собственников — самих рабочих.

"Всякое общество, основанное на демократических принципах, отвергает всякий вычет в пользу капитала, под какой бы формой он ни являлся — ренты, процента, прибыли, и оставляет таким образом труду все его право, всю его справедливую награду".

Конгресс предложил членам Интернационала вступать в рабочие союзы.

Из докладов, представленных конгрессу и из произнесенных на нем речей отметим следующие места: 1) Льежская сессия указывает, что она прерывает с политическими партиями и

отныне ставит свою пропаганду на экономическую почву. 2) Брюссельская секция, между прочим, пишет "мы видим в рабочих союзах эмбрионы (зародыши) рабочих компаний, которые заменят когда либо компании капиталистов, имеющих под своим началом легионы наемников. 3) Граглина (из Женевы) говорил: — "Компаний, будьте уверены, если мы не хотим объединиться, хозяева объединятся, как они сделали это в Женеве". 4) Бризме опять говорил о том, что средства рабочих союзов надо помещать не в кассы буржуазии, а в потребительные и производительные общества. 5) В докладе рабочих ассоциаций Каталонии (Испания) значилось: — "испанские рабочие готовы бороться вместе со своими братьями против ужасного союза армии, трона и алтаря, чтобы основать, наконец, на прочных началах: мир, справедливость и труд".

"Земля и недра, — говорил на этом конгрессе Ц. де Пап, — даром даны человечеству; мы требуем на них собственности для всего человечества, требуем эксплуатации земли и недр ассоциациями".

Дюпон, между прочим, говорил: "рабочие убедились, что революции 1830 и 1848 г. г. затрогивали лишь форму, а не основу, что нужно изменить самую основу общества и что настоящая почва революции, это — социальный вопрос..."

"... Все нынешние правительства находятся в переходном состоянии. Мы же хотим ниспровергнуть не только тирана, но и тиранию".

Заключительную речь на конгрессе Дюпон окончил следующими словами: —

"Клерикалы говорят: — Вы видите этот конгресс; он объявляет, что не хочет ни правительства, ни армий, ни религии". Они говорят правду: мы не хотим более правительства, так как оно раздавливает нас налогами, мы не хотим более армий, так как армии нас избивают; мы не хотим более религий, так как религии душат нас".

(Продолжение следует).

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

Автономов.

II

Следующий день социальной революции сложится и определится соответственно наличию многих обстоятельств, но наиболее решающим и влияющим фактором в этом деле, без сомнения, окажется сама революция. Находясь в самом тесном и непосредственном соотношении со "вторым днем", определяющее значение революции будет до того показательным, что уже в начале ее не трудно будет определить: является ли второй день началом созидания, или все еще будет продолжением разрушения. И не только определить: в такой же мере можно будет способствовать, чтобы одно из вышеназванных явлений стало действительностью второго дня. Ситуация вещей такова, что всякое последующее явление зависит до известной степени от предшествующего, и в силу этой зависимости степень и характер последующего явления складывается соответственно степени и характеру явления предшествующего. В этом смысле революция приобретает особенную важность и значительность по отношению ко второму дню; она становится как бы рычагом, посредством которого в самом начале революционного эффекта, а тем более в ходе его развития, одинаково можно клонить чашку весов в сторону ли разрушительных тенденций или в сторону созидательных. Конечно, поскольку дело будет зависеть от анархистов, то они приложат все усилия, вплоть до аскетических самолишений, дабы чашка весов с самого начала революции начала склоняться в сторону созидания, и дабы это склонение с каждым часом, с каждой минутой принимало все более и более быстрый темп с тем расчетом, чтобы второй день социальной революции проявился в полном величии начал свободного и справедливого строительства. Если общепринятое мнение, что наибольшего результата в подобных отношениях можно ожидать при наименее резком пафосе революционного взрыва — верно, то этот пункт анархисты и изберут главным центром своей деятельности; они проявят максимум энергии, чтобы пафос взрыва оказался самым благозвучным и чтобы в самом изначаль-

ном своем состоянии он разлился в общем уровне жизни, растворился и отразился в миллионах жизненных проявлений, а не обособился, не выделился из общего фонда жизни, не стал самодовлеющим, независимым от жизненных запросов, "нуменом". Примеры многих революций свидетельствуют, что главное горе именно в том и заключалось, что они, революции, становились своего рода "революцией для революции", отрывались от жизни, игнорировали ее запросы, или же старались эти запросы подогнать под свою мерку, в то время когда по настоящему им только и следовало приспособляться и растворяться в жизненных запросах. Нет надобности останавливаться на всех тех конвульсиях, в которых обществу приходилось не раз биться в революционные периоды лишь потому, что выдвигаемые обстоятельствами жизненные запросы не согласовались с буквой революции, — подобных явлений, как в древней, так и в новой истории, есть достаточно и всякому легко их констатировать, — надобность в данном случае заключается в том, чтобы революция, претендующая называться анархической, была избавлена от подобного трагизма. Ибо если только хоть сколько нибудь влюбиться, увлечься революцией, если только хоть немного ради революции обойти или придавить выдвигаемые жизнью запросы, — анархическую революцию постигнет такая же участь, какая постигла и все прочие революции: в лучшем случае, она будет раздавлена, задушена; в худшем — претворится в самого обыкновенного насильника над жизнью. Опасность, таким образом, по своим размерам очень грозная, к счастью, грозность значительно стирается тем обстоятельством, что все это, столь присущее и неизбежное для других революций, для анархической революции может стать лишь в силу какой-либо случайности; в самой же природе вещей анархическая революция от этого застрахована. Уже одно название — социальная революция — на которое анархическая революция имеет полное право, прекрасно свидетельствует, что анархическая ре-

волюция в корне отличительна и совершенно непохожа на все прочие революции, а следовательно в ее естественном ходе не может быть тех эмбрионов трагизма, каковые заложены в иных революциях. Ни одна революция не может называться социальной революцией; не потому, конечно, чтобы она не могла сама себя окрестить этим именем — подобное часто бывало, — а потому, что подобное название не соответствует действительности. Сообразаясь с действительностью всякая революция в полном праве называться революцией расовой, кастовой, сословной, партийной, даже классовой, но не социальной. Последнее название принадлежит исключительно анархической революции. Чтобы согласиться с этим не обязательно быть анархистом; следует лишь не слишком отклоняться от здравого суждения, следует лишь сохранить самую небольшую долю объективности, и то, о чем здесь говорится — неоспоримо. Лучше всего это подтверждается ответом на вопрос: что такое социальная революция? Ясный определенный ответ на этот вопрос прекрасно исчерпывается несколькими словами: социальная революция — средство для достижения всеобщего блага. В этих нескольких словах заключается весь смысл и вся суть социальной революции: ее назначение — осуществить благо и счастье всех, в противовес назначению иных революций, заключающихся в благополучии лишь части общества: нации, сословия, партии, класса и т. п. Назначение же анархизма, в свою очередь, заключается в удалении всех искусственно-созданных делений и перегородок общества: национальных, кастовых, классовых, партийных и т. д., и достижении таких соотношений, где общество — в целом — будет равным и где каждая личность — в отдельности — будет иметь одинаковые права и возможность пользоваться жизнью и жизненными благами. Иными словами говоря, назначение анархизма и сущность социальной революции вполне совпадают. Впрочем, это настолько ясно и очевидно, что об этом и говорить много не приходится: анархисты иной революции, кроме социальной, и в помыслах не имеют. Приходится лишь сожалеть, что враги и недрузья анархизма очень часто в этом месте богохульствуют: они ставят анархическую революцию на одну доску с прочими

революциями и все хромые и пятнистые стороны последних в той же мере приписывают и анархической революции. Слов нет, было бы большим самообманом предполагать, что анархическая революция принесет молочные реки в кисельных берегах: на фоне общего праздника окажутся, вероятно, тогда будни жизни, а, быть может, даже житейские пины (сомнительно, чтобы вообще когда-нибудь общество избавилось от этого, и следует ли?) Но суть в том, что все это будет естественным, само собой разумеется, а не искусственно созданным и насильно навязанным, как это бывает в частичных, т. е. групповых, партийных и т. п. революциях. В последних источник всех отрицательных и больных явлений зависит главным образом от степени и характера той части общества, которая, благодаря революции, становится вершителем судеб; в анархической же революции, а так же и после нее, все это будет зависеть исключительно от степени и характера самого общества. И это далеко не пустое переливание слов, это не значит, что, быть может, анархисты, прикрываясь общественными предосылками, будут потихоньку да полегоньку проводить свою собственную линию, как это в подобных случаях, но при иной ситуации, часто бывает, — это значит, что отношение анархистов к революции совершенно иное, чем отношение к ней разных других людей, называющих себя тоже революционерами. Обыкновенно революция понимается в двояком смысле: как свержение господствующей группы или партии и как осуществление своих интересов, или, иначе говоря, проведение в жизнь своей программы. Относительно первого назначения революции анархисты имеют своеобразный взгляд; второе же назначение у них всецело отсутствует. Подходят анархисты к революции совершенно объективно без всяких демагогических предвзятостей, и признают ее (революцию) или желают ее не потому, что, быть может, так предписывается программой, а потому, что это неумелимо диктуется самой жизнью. Как река в половодье не может оставаться в своих тесных берегах и неизбежно ломает сковывающие ее льдины, так и жизнь в своем поступательном ходе неизбежно крошит и рвет те формы, которые по мере развития жизни становятся узкими. И как нельзя остано-

вить ход естественной реки, раз она имеет за собой исходные источники, так нельзя остановить ход социальной реки — революционной мысли — ибо она тоже имеет исходные источники.

Еще в ту отдаленную эпоху, когда земля была покрыта страшным мраком и дух, не божий, а дух мракобесия носился над ней; когда над беззащитною спиною раба безнаказанно свистела господская нагайка; когда повсюду зловеще пылали костры и церемониально сжигались живые человеческие тела; когда за малейшее сведомство четверговали и колесовали, — еще тогда раздавался голос, что от природы все люди одинаковы, что преступно мучить человека, как преступно мучить и всякое живое существо. И этот голос, не смотря на все козни и препятствия темных сил, с одной стороны, а с другой — несмотря на разглагольствования заведомо ложных ученых, подпевающих подобно немецк. правоведу Трейчке или подобно нашему, русск., философу Н. Бердяеву, что не может быть культуры без рабов, что раб должен снабжать досугом своего господина (см. т. Л. Штейн "Начала человеческой культуры" стр. 53 и 127), для того, чтобы он мог "выращивать" культуру, — несмотря на все это, голос истины и справедливости ширился и креп. Тысячами гибли Джорданы Бруно, Савонаролы, Яны Гусы, Томасы Моры, Ульрихи Цвингли, но их места заступали новые поборники истины, и медленно, но уверенно откалывалась одна глыба за другой от скалы суеверия и мракобесия, медленно, но неустойно рвалось одно звено за другим цепи физического рабства... путь становился все просторнее и яснее. И теперь уже не секут (по крайней мере произвольно) безнаказанно людей, не поджаривают на кострах инакомыслящих, не вырывают из могилы трупов и не отнимают у их родственников имущество, как это делали фанатичные католики... Да, так или иначе, но теперь признано — формально, разумеется, — что люди по своему происхождению одинаковы, т. е. достоинственно-эквивалентны; и многие Семпратовы мало-помалу начинают свыкаться, что даже своей кухарки уже нельзя ругать (Чтец Декламатор т. V, стр. 297). Но это относится только к самой сущности человека (так называемое уголовное право), в процессе же поддержания существо-

вания этой "священной" сущности (т. е. в сфере имущественного права, а также, отчасти, и в сфере права гражданского) все еще остается глубокое неравенство. В этом последнем отношении те люди, которые одинаково могут смотреть на солнце, одинаково наслаждаться сверкающими капельками утренней росы, одинаково смотреть и оценивать выставленную где-нибудь на выставке или в музее картину, одинаково рассчитывать на безопасность, проходя улицей города, — не могут одинаково с'есть кусок хлеба, не могут одинаково поднять оторвавшегося от яблони яблока, не могут одинаково отдохнуть на более-менее сносной постели... Многим из них все еще не оказывается места на жизненном пиру, не потому, конечно, чтобы природа об этом не позаботилась, как это утверждал Мальтус, а потому что другие занимают гораздо больше места на этом пиру, чем им полагается. Получается, таким образом, глубокое противоречие: с одной стороны, все — равные граждане; с другой — одни страдают от недостатка, а другие от избытка. Находятся, конечно, и здесь свои Трейчке, свои Бердяевы, одни из которых пытаются — разными коопартнершипами да кой-какими реформами в области заработной платы — согласовать несогласуемое, другие же просто утверждают, что все это в порядке вещей, что один человек имеет полное право гноить и портить то, в чем нуждаются тысячи людей, и что этим тысячам вполне естественно умирать от голода в то время, когда всего в нескольких от них шагах лежат груды необходимых им предметов, лезет рекой вино, а в шампанском купаются шансонетки... Утверждения эти, однако, могут поддерживаться лишь заведомо ложными приемами; или людьми, извлекающими отсюда непосредственные выгоды, или явно заблудившимися. Лица же с более менее трезвой и самостоятельной мыслью не могут мириться с таким положением вещей. Даже люди далекие от радикальных реформ, как Фихте, должны были согласиться, что целью пришествия человека в этот мир является жизнь, а потому все те, кто брошены в эту жизнь, имеют одинаковые правовые притязания на предметы, необходимые для поддержания жизни. Не согласиться с этой простой, но в то же время вполне естественной, истинной, доказать,

что не все люди имеют право добывать и пользоваться необходимыми для поддержания жизни предметами, значит, допустить такую же нелепость, какая допускалась утверждением, что не все люди равны перед богом, или утверждением, что только часть общества может быть "людьми", а остальная часть должна оставаться "скотиной". Даже это будет еще большая нелепость: в прежние времена неравенство царило везде и вытекало из таких трансцендентных понятий, как бог или природа, вследствие чего получалась некая цельная и по-своему логическая система; теперь же оно во многих местах пробито и вместо цельности и систематичности представляет одни лишь обломки, не имеющие ни оправдания, ни опоры. Санкция положительного права, единственно на которой базируется современное неравенство, не может быть надежной опорой, так как сама нуждается в таковой. В былые времена, когда неравенство было полным и абсолютным; когда говорилось, что это сам бог так устроил; когда утверждалось, что сама природа создала "белую" и "черную" кость (атавизм подобных воззрений время от времени проявляется и теперь, о чем свидетельствует недавно выпущенная книга Л. Карсавина "Диалоги", особенно см. стр. 63—64), — было еще как-то свойственно смотреть и мириться со всеми ужасами и скорпионами неравенства. Но как теперь — теперь, когда признано, что все люди — дети одной матери — природы; когда доказано, что каждый человек одинаково может чувствовать, мыслить, радоваться, печалиться и т. д.; когда больше не отрицается, что всякий одинаково испытывает холод, голод, усталость и т. д., — как при всем этом, на каких основаниях, можно утверждать, что тот или иной человек не имеет права на удовлетворение присущих ему потребностей? Помимо всякой революционности, помимо всякой агрессивности, при одном лишь более менее трезвом мышлении, определено ясно, что такое утверждение, такое сочетание двух противоположных понятий, — полнейший абсурд; и если это тем не менее существует, то устранение его диктуется жизнью на каждом шагу. Этому то повелительному требованию жизни анархисты и идут навстречу. Все их действия направлены в конечном счете на смытие позорного пятна с

общественного лица, на удаление всех этих пережитков дикости и варваризма. Насколько все это естественно, насколько все это свободно от демагогизма и "программности" полагаем нет надобности распространяться. Положительное отношение анархистов в революции — признание и призвание ее — вытекает не из того, что анархисты в настоящее время придавлены, пришиблены, поставлены вне закона, загнаны в подполье, что их травят всеми мерами и средствами, а из того, что в обществе царит несправедливость и неправда. Наличие этих зол является единственной предпосылкой анархистских пред'явлений существующему строю. Но опираясь в своих пред'явлениях на наличие несправедливости, — естественно, — анархисты тем самым констатируют отсутствие у себя этого дефекта, и, стало быть, обязуются быть верными и последовательными до конца. Логика вещей такова, что пред'являть известные требования можно лишь тогда, если за собой не чувствуется по ним долга. И действительно, следует отметить, что анархисты строго блюдут это правило. Они отрицают несправедливость "чужую" не для того, чтобы на ее место водворить несправедливость "свою" — готтентотскую мораль: если меня бьют, то — плохо, а если я бью, то — хорошо, — чужда анархизму. Отрицают анархисты несправедливость, следовательно, для того, чтобы на ее развалинах расцвела подлинная справедливость, выражающаяся ясными и понятными словами: каждый, заброшенный в эту жизнь, имеет полное право жить. Этому права — права на существование — анархисты требуют себе, но в то же время не отказывают в нем и другим. Врагам анархизма, скороспешно представляющим анархизм, как символ ножа и дубины, необходимо обратить особое внимание на это; им следует заучить и раз навсегда запомнить, что в основе анархизма лежит светлейший принцип, в какому когда-либо обществу — его гениальнейшим представителям — удавалось подниматься, — принцип личного достоинства человека. Каждый человек, по понятиям анархизма, кто бы он ни был, какое бы положение он ни занимал, какой бы ярлык современности он ни носил, — он говорим мы, — прежде всего все-таки человек и, как таковой, име-

ет природное достоинство. Можно, поэтому, лишить его ярлыка современности, можно снять с него покрывало — творение рук человеческих, — столь искусственно, а иногда просто противное, заслоняющее и затемняющее его естественное достоинство, — но отнять от него то, что только один раз ему и всем нам дается, чего никакими мерами и средствами не восстановить, перед чем бессильны мы со всем своим прогрессом и достижениями, — отнять от него его драгоценную жизнь — преступление, ничем неоправдываемое, позор, ничем несмыслимый. Пусть это звучит пацифически, пусть это не правится некоторым экспансивным темпераментам, но это — так: убивать человека нельзя, ни за какие деньги, ни под каким предлогом. Лучшие умы человечества, чистейшие его натуры, всегда боролись и продолжают бороться с этим все еще неизжитым позором, и анархизм считает величайшей честью быть среди этих славных борцов и к их справедливому голосу и требованиям присоединять свой голос и требования.

* *

Наиболее волнующим при этом является вопрос: возможна ли на подобных началах реализация этого, безусловно, возвышенного идеала; возможно ли, принимая во внимание, что современное общество расчленено на бесчисленные группировки и обусловлено бесчисленными и разнообразными интересами — возможно ли, что бы революция в своем ходе не ущемила и не задела чьих-либо интересов? Справедливость, предварительности ради, требует отметить, что анархизм, несмотря на то, что он слишком дорожит и пестует свободу личности и свободу ее интересов, все же из круга свободных интересов анархизм резко вычеркивает абсурд, т. е. те интересы, осуществление которых подрывало бы справедливость. Кражи, поджоги, изъятия, надругательства, убийства и т. п. деяния, быть может, для кого нибудь и являются "свободными" интересами, но с точки зрения справедливости, это — чистейшая нелепость. Поэтому, говоря об интересах, не нужно забывать, что анархизм имеет в виду интересы, как таковые, а не абсурд.

Если понимать революцию, как перегибание палки из одной стороны в другую, как это

и происходит во всех групповых революциях (было бы гораздо справедливее называть такие революции просто переворотами, а не революциями, но так почему-то до сих пор не делают), то ущемление тех или других интересов неизбежно; но вся суть в том-то и заключается, что анархическая революция не перегибает палки из одной стороны в другую, а только выпрямляет ее; ставит ее в такое положение, чтобы ее центр направлялся вверх, к солнцу, а не отклонялся в ту или иную сторону. Главная причина "ущерба" и "выигрыша" в групповых революциях заключается в том, что вся тяжесть этих революций направляется на внешнюю перетасовку вещей: все вещи, какие только накапливаются в обществе, переставляются с одного подмеса на другой, но их сущность и присущие им функции при этом не видоизменяются, а по прежнему продолжают "радиризовать"; только с другой стороны, вследствие чего, получается — в лучшем случае — нечто вроде Крыловского сапожника и булочника, а в худшем — обыкновенная перемена ролями в тех контрастах и антагонизмах, на которых общество базировалось до революции. В анархической революции дело обстоит иначе: вещи, в своем большинстве, продолжают оставаться на прежних местах и совершенно не затрагиваются с внешней стороны; те же из них, которые по тем или иным причинам не могут оставаться незатронутыми, отправляются на вечное поселение в архив, и пользование ими оказывается невозможным. Правда, "ссылка" некоторых вещей в архив тоже должна вызвать претерпевающие признаки на интересах некоторых лиц; но эта претерпеваемость будет лишь кажущейся, относительной. Палац, например, получающий гонорары в настоящее время за убийства людей, безусловно, будет ущемлен в своих интересах, так как приток "сырья" для топора или веревки прекратится. Но ведь, вследствие этого, он ни в коем случае не лишится возможности существовать: хлеб и все прочее он будет иметь наравне с другими. И если он в настоящее время занимается своей "профессией" ради хлеба, то лишение его этой "профессии" и в то же время предоставление ему хлеба, не только не ознаменуется ущербом, но принесет, в конечном счете, громадную поль-

зу. Под эту рубрику можно подвести и все другие профессии и должности, служившие для некоторых лиц ареной добывания хлеба. Почти вся так называемая политическая область — по своему существу — может быть сюда подведена. Если хорошенько профильтровать и просеять всех современных "политиков", то едва ли один процент наберется среди них, так сказать, "политических артистов", т. е. лиц занимающихся политикой ради политики: почти все они занимают ту или иную политическую должность, потому что получают за это плату. И если им предложить такую же плату в другой области, или если им — просто — предоставить возможность жить, то они с такою же легкостью променяют свою политическую деятельность, с какою "дама света" меняет свои перчатки. И поэтому, принимая во внимание, что анархическая революция предоставит всем одинаковую возможность жить, — можно думать, что сдача в архив всей политической машины и занесение в число "безработных" всех работавших при ней лиц, не отразится большим ударом на интересах последних. "Поеду в Ливадии и буду садить цветы — я их так люблю", — скажут они подобно Николаю II. И нужно будет вручить им острый заступ, отвести грядку рыхлой земли — пусть взращивают на здоровье томные фиалки да нежные лилии, и время от времени вспоминают, какими неделестями они занимались до революции. То же самое произойдет — даже еще проще — и с теми лицами, главная деятельность которых проходила на пиве духовной. Лица эти имеют очень незначительное отношение к земным вещественным вопросам, и очень мало связаны с грешной суетой: вся жизнь их проходит в томительном страствовании по загадочной пустыне в поисках Красоты и Истины. И если в их запыленных котомках имеется кусочек хлеба и горсточка соборы, то им большей частью безразлично: восседает ли в Москве или в Вашингтоне царь-батюшка, президент, или там нет никакого правительства. "Мы — не коммунисты, даже — не социалисты и, тем более — не монархисты: мы — просто люди; — заявил недавно один из представителей этой своеобразной коллективности. А тех, которые являются просто людьми, анархическая революция никогда не обидит. Та-

ким образом, есть основание полагать, что в этих областях — и во многих других — анархическая революция пройдет Сциллу и Харибду вполне благополучно. Значительно сложнее окажется дело в области так называемых материальных ценностей. Эта область, если и не является единственным определителем социальных соотношений, то во всяком случае занимает самое видное место в этом деле. Многие лица, состоящие на политическом и других поприщах, — отнюдь, — главные свои интересы имеют не на арене этих шумных и крикливых состязаний, а в тех скромных и серых уголках, где выковываются материальные ценности.

Теперь редко можно встретить такого государственного деятеля, который не был бы владельцем или соучастником какого-либо предприятия. И поэтому, не ощущая особенно сильного укола от лишения звания комиссара или сенатора, особенно в тех странах, где государственные деятели — выборные и часто сменяются, он, тем не менее, почувствует сильный укол, лишившись права владельца. При том вся политическая область выбрасывается анархической революцией за борт, и бывшему государственно-му деятелю не придется реновато, видя расхищение и хозяйничанье "косопузых" (выражение А. Куприна) в его бывших святая святых; экономическую же область за борт не выбросить: волей неволей придется здесь заняться переоценкой ценностей. Однако, есть надежда, что и из этой трудной области анархическая революция сумеет выйти в голубиных ризах. Уже один тот факт, что анархическая революция совершенно устраняет из житейского обихода весь политический аппарат, красноречиво свидетельствует, что задача революции будет значительно облегчена во всех жизненных вопросах. Если присмотреться поближе к жизни, то не трудно заметить, что известные соотношения в экономической области, известная расстановка вещей — особенно если эта расстановка несправедлива — существуют исключительно благодаря политическому аппарату (т. е. поддерживаются им, хотя и не им вызываются к жизни). Политический аппарат своими нитями, своими щупальцами как бы обхватывает, как бы обвивает все — большие и малые, выгодные и невыгодные — интересы,

и, тем самым, поддерживает известное установившееся равновесие. Стоит только где нибудь этим нитям, именующимся законами, оборваться — столкновение интересов, если они в силу известных препосылок не могут слиться, неизбежно. Но пока нити в целости, пока регламентация политического аппарата строго соблюдается — на земле мир, а в человеках благоволение. В силу этой регламентации одни лица обладают широчайшими правами на вещи и на привилегии, а другие, в силу все той же регламентации, не имеют права ни на что. Получается очень простая схема: с одной стороны правомочные, с другой — бесправные, а посредник — политический аппарат. Вполне ясно: не будь этого аппарата, не было бы и неравенственного состояния. Вот почему в тех революциях, где сохраняется политический аппарат, возможно и даже неизбежно неравенственное состояние общества, и вот почему в анархической революции, где политический аппарат идет в отставку, неравенственное состояние общества невозможно. Вся суть заключается в политическом аппарате: если сохранить аппарат — комедия "Неравенства" будет продолжаться, только артисты обменяются ролями (бывшие буржуа и сановники станут продавцами газет и чистильщиками улиц, а их места займут другие); если же аппарат уничтожить — прекратится и комедия. Это — одна особенность анархической революции, значительно стирающая острие возможного понесения частью общества ущерба. Правда, этим все же не устраняется возможность ущерба: как при открытии шлюза уровень воды на одной стороне повышается, а на другой, в силу этого, понижается, так и при устранении социального шлюза — государства, уровень общества неизбежно ознаменуется движением к равной, средней точке, т. е. одна сторона будет приобретать, а другая терять. Однако, здесь дело в том, что это социальное "уравнение" анархисты понимают скорее в абсолютном, чем в относительном смысле, т. е. не в смысле приравнивания человека к человеку, а в смысле предоставления всем возможности свободно проявлять свои способности. Анархисты лучше других учитывают, что люди, как по своим дарованиям, так и по своим наклонностям — различны и неодинако-

вы; и что, поэтому, всякое шаблонирование общества, всякое подстригание под одну гребенку, не что иное, как святое ребячество или грубая бестактность. Даже забегаю несколько вперед, т. е. представляя общество, выпшедшее и развившееся в свободной обстановке, — даже тогда, по мнению анархистов, природные отличительности сохраняются, что, однако, не будет противоречить идее равенства. "Мы разные, но равные", — говорил светоч и будильник русской мысли П. Л. Лавров. Этими словами наилучше определяется всегда защищаемая анархистами идея равенства, — идея, вытекающая не из одиначности объективных проявлений людей, а из одинаковости их субъективной сущности. Но если различие и неодинаковость возможны даже в том обществе, которое выйдет и разовьется в свободной обстановке, то что-же говорить о том обществе, которое только что разобьет цепи рабства? Кроме естественной отличительности и разности, тут еще будут фигурировать и следы — остатки — социального уклада жизни. Обходить или игнорировать эти следы, думать, что сейчас же после революции землепашец примется и запахивать навоз, и совершать рейсы на океанском пароходе в качестве капитана и играть Фауста где-нибудь на сцене, значит не понимать анархической революции. В отличие от других революций, анархическая революция не займется форменной перетасовкой вещей: все вещи останутся на своих местах и все, так или иначе, к ним относящееся тоже останется незатронутым. Инженер будет исполнять свои функции, доктор — свои, архитектор — свои, бывший владелец какого-либо предприятия... тоже свои. Только праздные толки могут допустить, что рабочие после революции заставят своего бывшего хозяина выполнять непременно самую тяжелую работу. Нет большого чудачества, как подобное, и нет большей клеветы на рабочих как эта. Рабочие не такие кровожадные и не такие бездарные, чтобы революцию превращать в Вифлеемское избиение младенцев. Уходящий в невозвратную даль последний отзыв от разрыва цепей, первое дыхание свободы, первые лучи солнца-правды, — предползая рабочих радостью и добротой, а не злобой и дикостью. Анархическая революция будет истинным Христовым

Воскресением; все люди будут с беззлобной душой обниматься и целоваться. Осененные радостью и счастьем рабочие легко забудут старые ссуды, старые раны, и не только не станут обижать своих бывших угнетателей, но постараются разогнать всякие тучки на их челе, если таковые начнут собираться, как результат революции.

Если бывший владелец был дельным и деловым хозяином, вел аккуратно и толково свое хозяйство, то рабочие предоставят ему полную возможность оставаться на своем посту и по-прежнему вести хозяйство, но уже не в качестве хозяина, а в качестве общего сотрудника. Рабочие будут чувствовать, что у них еще нет того навыка, той ловкости, каковыми располагает их бывший хозяин, и поэтому с какой стати они станут гнать его с того места, где он может принести пользу всем... Этого же будет требовать и основной принцип анархизма: "от каждого по способностям"... Принцип этот есть вторая — и самая главная — особенность анархической революции, локализирующая острые возможности ущерба. Исходя из этого принципа, видно, что

бывшие владельцы не почувствуют почти никакого ущемления от анархической революции: все они будут иметь возможность жить, спокойно коротать остаток своих дней и, при том, не будут лишены возможности продолжать свои любимые занятия. Какой уж тут может быть ущерб? Даже если допустит, что кой-который владелец и почувствует маленькую обиду от лишения права на единоличное владение предприятием, то, приняв во внимание, что он на каждом шагу будет видеть вокруг себя веселых и незлобивых людей, готовых ободрить и утешить его "в минуту жизни трудную", — обиды его, в конечном счете, рассеется; он невольно будет захвачен волнами великого праздника и, вместе с другими, будет торжествовать. Трудно будет устоять перед захватывающей силой ликующего духа... В общем, анархическая революция никому не будет мачехой: в ней каждый найдет то, что ему нужно; ибо придет она не с дубьем и дротиком, а с целебным бальзамом, с источником живой воды, в чем так сильно наше общество нуждается.

АНАРХИЗМ В БОЛГАРИИ.

Саша-Петр.

О черк первый.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА.

Анархическое движение в Болгарии по своему своеобразному развитию и богатству открываемых им перспектив, представляет собой глубокий интерес для всего анархического мира. Для нас же, русских анархистов, движение это, кроме того, имеет и большое поучительное значение. Мне думается, что редко какой народ был бы — самым ходом своей исторической жизни — так предрасположен к восприятию анархической мысли, как народ болгарский. И этим объясняется, что движение, насчитывающее за собой не больше полтора десятка лет, развилось с такой красочной силой — и, в минуты тягчайших ударов, нанесенных анархизму изнутри и извне, — оно не уклонилось от своего прямого пути и выдвинуло целый перечень ярких борцов и муче-

ников за идею анархии.

Для более ясного освещения предмета настоящих очерков, я должен вкратце остановиться на одном крупном историческом факторе, сыгравшем огромную роль в жизни болгарского народа и, главным образом, повлиявшем на весь склад его характера. Причем, считаю не безынтересным показать, как тождественный с виду фактор в жизни другого — тоже анархичного в своей сущности — русского народа, разное отразился как на психологии обоих, так и на их отношении к власти. Я разумею здесь: нашествие татар — в России и завоевание Болгарии — турками. Остановимся сначала на первом из них.

Татары, заполонив тогдашнюю Русь, оставили, однако, в неприкосновенности ее государственное устройство. Во внутреннюю жизнь страны

они почти не вмешивались и все их господство над нею ограничилось лишь формой дани. Но и последнюю они взымали не сами, а возложили это на действовавший уже тогда на Руси го-товый политический аппарат князей. Народ, та-ким образом непосредственно с завоевателями не соприкасался, познать и изучить их не мог — и враг, окруженный завесой таинственности, ка-зался во много раз страшней, чем он был в дей-ствительности. Князья-посредники, платя за счет народных соков дань татарам (причем, не забы-вали, конечно, и себя), объясняли это временной необходимостью, своего рода "переходным пери-одом". Свой произвол и насилие они опять-таки оправдывали, как спасительную меру для укром-щения и подчинения строптивых элементов, се-ющих в народе "смуту" и грозящих повредить мирным отношениям с грозным врагом. Церковь в этом всемерно помогала князьям, проповедуя народу терпение, покорность и послушание к ним и выставляя их в роли его защитников и спасителей. И если раньше русские племена еще кое-как обуздывали алчность и произвол своих князей, а слишком неумных вовсе прогоняли от себя, то теперь — из страха перед врагом — татарами, они дали возможность окончательно уп-рочиться еще более страшному по своим послед-ствиям врагу — своему защитнику и спасителю — власти князей. И этот "защитник", грабя и насидуя, обогащаясь и укрепляясь все больше и больше, сумел в союзе с церковью в продолже-нии трех столетий сдерживать и локализовать народный гнев и ненависть, и предуготовил ему в будущем еще горшее, тройное рабство — поли-тическое, экономическое и социальное, — тяж-кое рабство крепостной зависимости.

Иначе обстояло дело с болгарским народом. Турки, завоевав Болгарию, обратили ее, просто, в провинцию Османской Империи — и народ очутился со своим врагом лицом к лицу. Везде и всюду, на каждом шагу своей повседневной жизни он сталкивался с властью — беспощадной и жестокой, отнимавшей его достоинства, насилов-авшей его жен и дочерей, убивавшей его сыновей. И эта власть уже не могла (да и не старалась) оправдать свои действия посторонними причина-ми, как это имело место в России, а выявляла свою разбойническую сущность — сущность вся-

кой власти — во всей своей неприкрашенной наготы. И в то время, как у русского человека его отрицательное отношение к власти — по оп-ределению Толстого — проявилось в форме не-доверия: — "Может врет, а может и правду го-ворит", — у болгар это отношение к ней выли-лось в непримиримую вражду и жгучую нена-висть. Эта ненависть, не сдерживаясь и не по-давляясь рассудочными соображениями "вышей политики", росла и развивалась, передавалась, как святыня, из поколения в поколение и нахо-дила свой естественный выход в прямой непос-редственной борьбе с насильниками. Дух борь-бы витал над болгарским ребенком, когда мать, укачивая его в колыбели, напевала ему о "злом турчине", убившем его отца и деда; он реял над ним и зажигал огнем и жадной мести, когда от-

роком ему приходилось видеть своих родных и односельчан истязуемых врагами и поставленных на положение нисших животных; и этот же дух наконец, толкал его юношей взять "пистоль" и пристрелить тирана. "Тиран" — вот имя, кото-рое было у болгар для каждого носителя влас-ти — и борьба с ним считалась наивысшей доблестью и честью.

Успеху развития этой борьбы особенно со-действовали и этнографические условия страны. Болгария перерезает на две части Балканские горы — и своими глубокими извилистыми ущельями, неприступными скалами и покрытыми густыми лесами склонами и вершинами, — они давали надежный приют и убежище каждому пришельцу. И — отважные, смелые — уходили туда отдельные личности, уходили целые груп-пы и становились "четниками" — неумолимыми метателями за позор и страдание народа. И эти люди умели метить, — ни один враг никогда не мог быть спокоен за свою жизнь. А иногда, об'е-диняясь более сильными отрядами, они в тече-ние долгих месяцев, держали в страхе и трепе-не насильников целых областей. Народ относил-ся к ним с глубокой любовью, оказывал им всякую помощь и снабжал всем необходимым. Он воспевал их в своих песнях, сравнивая их с орлами, слетающими со своих горных вершин для кровавого пира и грозной расправы с при-теснителями...

Турецкие власти прибегали, понятно, к са-ла-сь. Турецкий гнет был свергнут — и болгар-мим суровым репрессиям. Убивали и отнимали все имущество у заподозренных в сношениях с четниками; пытали, сажали на кол попадавших им в руки повстанцев; издавали законы, которыми предусматривалось, что болгарин, не указавший своего местонахождения в промежуток пяти дней, был обвиняем в бандитизме. *) Но все было тщетно. Борьба не прекращалась ни на день и становилась все напряженной. То затихая, то разгораясь с новой силой, она проходит широкой кровавой полосой на протяжении всего пятисотлетнего периода турецкого ига в Болгарии. И чем суровей были репрессии со стороны турок, тем больше людей уходило в горы и, в свою очередь, становились четниками. В девятнадцатом столетии борьба достигает своего апогея и выливается в массовые формы. Но и репрессии властей приняли исключительный по своему зверству характер. Турки, просто, пошли войной на болгарский народ. Десятки деревень выжигались войсками; вырезались целые селения — и одинаковой участи подвергались старики, женщины и дети. **)

В 1876 г. русский царь, Александр II, сам пятнадцать лет перед тем с неслыханной жестокостью подавивший польское восстание, объявил Турции войну за "освобождение братьев-славян". ***) Мечта целых поколений осуществи-

*) Любопытно, что этот закон еще и ныне действует в Болгарии. С.—П.

**) Невольно напрашивается аналогия подобных же действий со стороны большевиков при подавлении ими повстанческого движения на Украине, когда чекисты расстреливали жен и матерей повстанцев вместе с их грудными детьми (см. "История Махновского Движения" — П. Аршинова.) С.—П.

***) Война эта и в историю вошла под именем "освободительной", болгары же ее называют "сызнова порабощившей". С.—П.

ский народ получил свою государственность, со своей собственной властью и всеми ее атрибутами. Но вот прошло немного времени и националистический мираж стал постепенно бледнеть и меркнуть. Народ увидел, что, в сущности, его положение ничем не изменилось. Пронизов власти остался в прежней силе. Расходы по содержанию армии, полиции, тюрем и громадного штата чиновников во много раз увеличили для него тяжесть налогового бремени. Две войны, которые вела Болгария — одну в 1912 г. и другую, как участница Мировой Войны — принесли народу неисчислимые бедствия. "Хуже, чем при турках" — заговорили болгары, — и всю свою прежнюю ненависть к турецкой власти перенесли целиком на свою собственную. А люди умеющие ненавидеть, умеют и бороться хорошо. И снова Балканские горы являются убежищем смелых и отважных.

Таковы исторические предпосылки, подготавлившие благодарную почву для развития и творчества в Болгарии анархической мысли. Долгий период турецкого владычества постепенно вытравил из психики и сознания народа всякое воспоминание о его прошлой, до-турецкой, государственности; столетия гнета собственных властителей — в конце убilo и неглубокие корни его государственности теперешней. Остается опасность увлечения иллюзией "рабоче-крестьянской" власти, — последней иллюзией, отвращающей, к несчастью, еще много умов. А недавняя попытка тамошних коммунистов захватить власть указывает, что возможность этой опасности не исключена. Все же, это не должно нас смущать. Объективные данные дают нам право утверждать, что эта иллюзия будет также изжита, когда интенсивное стремление к свободе болгарских масс будет осязано ярким осознанным светом анархической мысли.

История упорного и неуклонного проникновения этой мысли в гущу болгарского народа и послужит предметом моих дальнейших очерков.

ДРАМА В ЧИКАГО. (1)

Наши братья умерли, убитые буржуазией среди бела дня, в общественном месте в Чикаго, в полдень 11-го ноября. Они шли на смерть с пением Марсельезы и умерли с криком "Да здравствует анархия!"

Еще накануне миллионы рабочих просили буржуа: "Не убивайте их!" Повинуясь голосу своего сердца, они снизили до мольбы. Их голоса были заглушены криками своры сытых: "Смерть!"

Преступление совершилось. Ничто никогда не изгладит его. И из груди тех самых миллионов рабочих, которые вчера еще готовы были протянуть руку и многое простить буржуазии, сегодня вырвался только один крик:

—Смерть? Хорошо, пусть будет смерть! Свобода, равенство, братство или смерть, говорили наши отцы. Не нужно братства, говорите вы? Ну так да здравствует смерть, ведущая к свободе и равенству!

—Довольно разсуждений! Вербку! кричали буржуа в газетах.

Хорошо, пусть будет так!

—Не может быть соглашений между нами и теми, кто хочет лишить нас собственности! Смерть! говорили они в своих комиссиях.

Пусть так!

—Пусть свинец и порох, пусть топор и веревка решают спор. И мы увидим, говорили они, на чью сторону порох и свинец, веревка и топор склонят весы!

Пусть так, увидим!

—Пусть смерть будет высшим аргументом! Пусть!

Последние слова Парсонса, сказанные им публично, были слова мира. На крик одного из участников 4-го мая: "На веревку Джея Гульда, миллионера!" он отвечал:

—"Война с учреждениями, но с людьми мир".

Нет, нет! свирепствовали буржуа. Война с людьми, в особенности с теми, кто составляет силу учреждения! И пусть эта война будет беспощадная, пусть она наводит ужас и леденит воображение!

Пусть так!

—Но у людей есть жены и дети! За что же наносить удар малюткам? За что мучить женщину, эту мученицу человечества, которая будет страдать всю жизнь не имея даже могилы, на которой она могла бы выплакать свою горе?

—К черту их жен! К черту их потомство! отвечают сытые.

Хорошо, пусть так! Мы принимаем это буквально. И когда миллионы рабочих в Америке, в Европе, в Австралии кричали им: "Не убивайте наших братьев! Они отдали всю свою жизнь за наше дело. Не углубляйте пропасти, разделяющей нас. Чем глубже она будет, тем больше понадобится трупов, чтобы заполнить ее. Довольно убийств! Если капитал бездушен, то Вы должны иметь душу, ваши жены могут иметь ее! Тогда им ответили:

—"К черту с вашими сентиментализмом! Бомбы для черни и веревка для вожаков!"

Хорошо пусть будет так! Пусть по всем пунктам исполнится ваша воля. Пусть каждое слово вашего урока врежется огненными буквами в сердца рабочих.

А когда смерть, в качестве "высшего аргумента", начнет косить на-право и на-лево; когда вернутся сентябрьские дни — а они вернутся, вы постарались об этом — и когда топор и веревка очутятся в руках тех, кто слишком часто склонял голову на плаху, если тогда один из тех, чье сердце обливается кровью при виде бойни, скажет опять: "Пожалейте этих людей, этих женщин и детей! Сострадание к человечеству!" ему ответят:

"Разве ты забыл 11 ноября 1887 года? Разве ты забыл дикий танец буржуа, топтавших трупы наших братьев и кричавших миллионам рабочих:

"Бомбы для вас, каналы, если вы посмеете восстать, хотя бы только ради стачки, и веревка для ваших вожаков".

Есть преступления, воспоминание о которых изгладилось. Но есть и такие, память о которых не изгладит и века. И это преступление не забудется.

Вет черное знамя. Кровью наших братьев

написали они на нем: "Рабство или смерть!"

Ну, нет! Свобода, равенство или смерть!

Длинненький список рабочих, павших за время протекшее с 1878 года, когда снова начались столкновения между бедными и богатыми, между управляемыми и правителями. Трепет охватывает при этих воспоминаниях. Но все это бледнеет перед драмой в Чикаго.

Мы видели арагонского бондаря Монкази, задушенного испанским ошейником, после двадцати четырех-часовой пытки в горячей камере, и в таком виде, обезображенным трупом, выставленного на показ на площади Мадрида. Видели Геделя, обезглавленного палачем, одетым в черный сюртук — праздничный наряд буржуазии. Видели Нобилинга, дважды открывавшего себе жилы, в надежде лишить таким образом буржуазию удовольствия видеть его казнь, и все-таки втащенного на эшафот. Трепетали от негодования при рассказе о казни Перовской и ее четырех друзей, когда пьяные палачи трижды вешали Михайлова, пока не докончили его; тянули повешенных за ноги, вызвав одного из присутствовавших при казни на заявление, что он видел много ужасных казней на востоке, но никогда не видел ничего подобного. Кровь стыла в жилах, когда буржуа чеканили монету с изображением удушенного Олива, а другие буржуа, дамы и кавалеры, любители сильных ощущений, раскупали ее тысячами. Видели шестые Рейнсдорфа на эшафоте, действовавшее потрясающим образом даже на корреспондентов самых буржуазных газет.

Все это видели и пережили. Целый длинный ряд убийств и всевозможных жестокостей прошел перед глазами нашего поколения в короткий промежуток девяти лет. С этим свыклись, казалось: "Несколько минут страдания — вот и все", — и старались успокоиться, старались не думать о матерях, о женах и детях казненных.

Но сразу наступило общее пробуждение, когда сделалось известным, что в Чикаго пять человек осуждено на смертную казнь. Пять виселиц из-за ничего — это было слишком даже для нашего поколения, чувствительного к малейшей собственной боли, но с полным спокойствием относящегося к чужим страданиям.

Смутно почувствовали рабочие, что этими казнями буржуазия бросает вызов народу; она смутно поняла, что казнь чикагских анархистов должна получить историческое значение. Поняли они опять-таки смутно, что если эти казни совершатся, буржуазия всех стран получит полную свободу, ничем не стесняясь, убивать рабочих.

Это было пробуждение, но оно пришло слишком поздно.

В самом деле, с того дня, когда версальцы расстреляли, почти через год после Коммуны, Ферре, Росселя и Буржуа, не было казни, которая так нарушала бы все общепринятые понятия, всю условную ложь на счет правосудия. Ферре все-же участвовал в Коммуне, он сражался с оружием в руках. Монкази и Олива, Гедель и Нобилинг, Перовская и Рейнсдорф брались за оружие.

Ничего подобного в Чикаго. В этой американской демократии, где Гульды и Беннетты могущественнее любого европейского монарха, где золото — все, а человек, не имеющий гроша, является бродягой, в которого первый встречный полицейский может разрядить свой револьвер, — в этой демократии повесили людей за речи, за участие в Интернационале. Их повесили за речи, которые не преследовались ранее, за старые статьи в старых газетах, за принадлежность к международной Ассоциации Рабочих, хотя ранее одобряли динамитный поход О'Донована Росса против Англии, аплодировали ирландским бомбам, бросаемым в английский парламент, в толпу женщин, гулявших в лондонской Башне, в рабочих, проезжавших по туннелям Метрополитана.

Что делало казнь трижды гнусной, так это вакханалия буржуа, разыгравшаяся вокруг виселиц. Казнь совершилась под такие отвратительные, грязные и безстыдные клики буржуа, что даже эхо их ослабленное разотоном, достигнув Европы, вызвало там взрыв негодования, и даже английских консерваторов и офицеров, это негодование заставило высказать публично свой протест.

Все они были бедны; все работали всю жизнь; все развиты, образованы; у всех в прошлом целая жизнь безграничной, безкорыстной

преданности взятому на себя делу; все были любимы братски рабочими; некоторые отказались от выгодных предложений, чтобы остаться неизвестными рабочими, вести жизнь и идти к смерти, ожидающей человека, который душой и телом отдается анархии.

И именно поэтому, не найдя ни в чем упрекнуть их, даже в честолюбии, продажная американская пресса осыпала их пошлыми ругательствами, подлыми, глупыми и грубыми оскорблениями.

* *

Пятнадцать месяцев агонии!

Они были приговорены к смерти в августе 1886 года. День казни был назначен. Но американские рабочие в своем изысканном доверии к законам, употребили неслыханные усилия, чтобы передать дело в другие суды. В надежде на то, что время успокоит расхоловшиеся страсти, дело перенесли в верховный суд Иллинойса.

Верховная продажная клика употребила целые месяцы на то, чтобы собраться, выслушать дело и постановить приговор. Дело слушалось в мае, приговор пропущен в сентябре. Суд утвердил прежний приговор, но с уточненной жестокостью, характеризующей все это дело, казнь была назначена на 11 ноября!

Прибавилось еще два месяца агонии к уже истекшему году. Два долгих месяца муки, борьбы надежды с отчаянием для их жен. Два страшных, мучительных месяца приготовлений к смерти!

Это было уже слишком! Поэтому даже среди буржуа некоторые возмущались этой изысканной жестокостью и стали кричать: "Довольно! Положите конец этой комедии смерти!"

Но американских буржуа не могли растрогать такие пустяки, и в течение этих двух месяцев они на все лады изощрялись в мучительствах над женами приговоренных.

Они сладострастно смаковали каждую подробность будущей казни и, поджигая своих жертв на медленном огне изо дня в день толковали об их смерти.

"Жены анархистов пьют им саваны для виселицы", писали продажные писаки. — "Заказана веревка, на которой повесят анархистов". — "Она уже готова!"

— "Палач в затруднении: казнить сразу пятерых кажется ему слишком большим трудом". — "С веревкой, на которой повесят анархистов, делают опыты. Она выдерживает такой то вес. Этого достаточно: свиньи успеют похудеть до тех пор". — "Все это лишняя роскошь; их следовало бы повесить на простой бичевке, чтобы она четыре или пять раз оборвалась раньше, чем покончить с ними", прибавляли писаки, желая выказать остроумие. — "Их повесят, в два приема". — "Кого первыми? Парсонса и Шписса?" — "Нет, Энгеля и Линга. Шписс нервный — пусть он полюбуется, как его друзья запылят в воздухе". И так далее, в продолжение месяцев. И все это: рисунок веревки, план эшафота, шутки сводников, механизм траппа — все это изо дня в день доставлялось осужденным и их женам.

Нет, никогда не сумеем передать весь ужас, отвращение, ненависть и омерзение, испытанные нами при чтении тогдашних американских газет! А между тем все это читали они, приговоренные, и эти героини, жены Парсонса, Шписса, Шваба и Фишера.

Вы, жены рабочих, вы сумеете перечувствовать весь ужас этой уточненной жестокости и, если у вас есть сердце, способное любить, вы научитесь ненавидеть. Вы возненавидите на смерть этих господ в золотых часах и этих меер в шелковых платях, которые мучили ваших сестер с такой неслыханной омерзительной жестокостью.

Клянитесь же в смертельной ненависти к ним! Воспитайте своих детей в этой ненависти!

* *

Наши братья повешены в пятницу, 11-го ноября в полдень.

Накануне Шваба и Фильдена (англичанина) отпирывали в бесерочную каторгу; Линга уже не было в живых, — и буржуа скрежетали зубами при мысли, что они увидят только четыре виселицы.

Четыре виселицы были устроены во внутреннем дворе чикагской тюрьмы, стены которой охраняло более трех тысяч человек. Дальше, в 500 пагах от стен, тюрьму окружал другой кордон из войска и полиции. В пространство, оставшееся свободным между этим кордоном и стена-

ми тюрьмы, не выпускали никого без письменного разрешения шерифа.

Еще дальше, за кордоном, не особенно многочисленная толпа, на две трети, по слухам, состоявшая из переодетых сыщиков, постоянных и нанятых специально для этого случая.

Жены осужденных прошли через первый кордон и просили разрешения войти в тюрьму, в последний раз обнять дорогих им людей. В этом им грубо отказали и прогнали. Жена Парсона, пришедшая со всеми своими детьми, не хотела уходить и отчаянно сопротивлялась, но ее вытолкали, арестовали и вместе с детьми отвели в тюрьму.

Осужденным приговор в окончательной форме был объявлен по полудни. Когда Шваб и Филдэн узнали, что смертная казнь заменена им каторжными работами, на их лицах, говорит телеграфное сообщение, выразилась грусть. Оба заявили, что предпочли бы моментальную смерть медленной. "Ни один мускул лица не дрогнул у Фишера и Энгеля", — продолжает телеграмма. "Парсонс невозмутимо улыбнулся. Шписс разразился страстной речью против убийц".

Энгель до последней минуты был весел. Всю ночь проговорил он со своим сторожем, рассказывая ему разные анекдоты в перемежку с анархической пропагандой. "Значит вы не боитесь смерти?" спросил сторож. — "Вы же видите меня!" ответил Энгель. Тем не менее он и Фишер выражали сожаление, что не могли последовать примеру Линга и тем лишить буржуа лишней радости.

Парсонс тоже проговорил всю ночь, а когда устал, говорил, шел или ходил. Шписс выгнал методистского священника, явившегося отвратить ему последние минуты жизни. "Я помолюсь за вас", — сказал тот, уходя. — "Молись за себя — вы в этом больше нуждаетесь, чем я!" ответил Шписс и снова принялся за письма. Ночью он беседовал с представленными к нему двумя сторожами об анархии, о социальной борьбе, о судебном комедизмстве.

Во все это время стук молотков возвещал им, что на дворе, под их окнами столяры работают над виселицей. "Все осужденные", передает телеграф, "хорошо слышали этот стук, но он повидимому никого не волновал".

На рассвете все заснуло сном праведных.

С утра они снова занялись письмами и отбетами на приходившие им со всех концов бесчисленные телеграммы. Энгель завязал теологический спор с пришедшим к нему методистским священником, пытаясь выяснить последнему все лицемерие его роли. Методистский халуй опять посетил Шписса, но тот закурил сигару и писал все время, пока поп читал свои молитвы.

Фишер рассказывал сторожу, что во сне он видел себя ребенком, в своем доме в Германии и со всей непосредственностью детства снова пережил теснившиеся в его голове впечатления юных лет.

Палачи между тем под их окнами пробовали свой механический трапп.

Фишер запел Марсельезу, из соседних камер его братья точно-же ответили ему тем-же, и могучими звуками революционного гимна приветствовали они ожидающую их мученическую смерть.

Только в одиннадцать часов пятьдесят минут пришли за ними. Было сделано все, чтобы prolongировать их муки. Ах, если бы ктонибудь из них разразился рыданиями, какое это было бы торжество для буржуа! Когда Шписс, получив письмо и прочитав его, задумался на минуту, то эта минутная задумчивость была отмечена и подчеркнута прессой.

Но наши братья не доставили врагам желанного зрелища. До конца остались они спокойными, спокойно взойшли на эшафот. Когда их поставили в ряд под четырьмя виселицами, Парсонс начал речь:

"Мужи и жены Америки..."

Но белый капюшон и веревка прервали его слова.

"Наше молчание, воскликнул Шписс, делает больше, чем наш голос, который вы теперь душили!"

— "Да здравствует анархия!" вскричал Энгель.

— "Это счастливейшая минута моей жизни! Да здравствует анархия!" провозгласил Фишер в ту минуту, когда капюшон и петля падали на его вдохновенное лицо и уже закрывали его кроткие глаза.

Секунду спустя, открылся трапп, и все че-

тверо сразу повисли в пространстве.

У Парсона переломило спинной хребет, и он только слегка вздрогнул. Энгель, Фишер и Шписе бились в страшных конвульсиях. Лишь в двенадцать минут первого — через четырнадцать минут у них исчезли признаки жизни.

Тела их были выданы родным и товарищам и погребены в тот же день.

Могучим призыв ваш к анархии был,
Нам смерть ваша то доказала.
Но самую смерть тот призыв пережил,
И рухнул твердыни пред ним Капитала!
Товарищи! Скоро рабочий народ
Свои вековые оковы стряхнет,
На ваши могилы придет
Вам вечную память споет..

КТО ВИНОВАТ?

Анатолий Горек.

I

ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ ИЛИ ПАРТИЯ ПРО- ВОКАТОРОВ.

Всякая власть может держаться только на лжи, обмане, насилии и провокации. И неизбежно всякая власть стремится создать разного рода учреждения по вылавливанию идейных противников и по вербовке (заполучению) членов противных данной власти организаций, что бы знать, что предпринимают другие организации, и, через этих провокаторов, подготовив разного рода, правительствующей партии нужные, выступления, ликвидировать (разгромить и уничтожить) противоправительственные организации. Ясно, что эти методы и способы направлялись главным образом против рабочих и крестьян, и интеллигентных тружеников и революционеров.

Но этого оказалось мало. Революционное настроение масс росло и правительствам пришлось найти новые способы, как лишить силы революционеров и уничтожить их идейное влияние на массы.

И единственным способом оказалась провокация идейная.

Мрачной памяти начальник охранного отделения в России, в конце прошлого века, Зубатов, нашел самый подходящий способ для этого. Он начал через своих агентов создавать тайные рабочие организации и таким образом вылавливать самых честных и преданных из них, более же слабых вынуждал покупать себе свободу, своею совестью, — идти на службу в охранное отделение, и становиться провокаторами.

А 9 января 1905 года посредством провокатора священника "друга рабочих" Гапона, правительству удалось даже вывести массы на Дворцовую площадь и там расстреливать их пачками.

Вся история российского царского правительства, так же как и истории всех правительств всего мира, полна таковыми явлениями провокации и "покупки душ"...

"Рабоче-крестьянская" власть коммунистов в этом отношении далеко опередила и во много раз превзошла все правительства всего мира. Верные ученики своих пророков Маркса и Энгельса, они провокацию ввели в систему, в "идейный" способ борьбы с противниками и в способ вербовки членов для своей партии и верных защитников своей власти.

Быть провокатором ранее, значило — быть самым низким, самым презренным человеком. Быть провокатором при власти коммунистов-марксистов, это — быть заслуженным членом партии и занимать важный, ответственный пост. Предательство на смерть своих идейных друзей, провокация честных и идейных революционеров и отдача их в руки палачей, отсутствие всякой идейной честности, торговля всем, что должно быть дорого каждому человеку, — человеческим и революционным достоинством, — стало доблестью, признаком преданности коммунистической власти и партии.

Ниже, еще в истории всего человечества, не опускалась ни одна власть, ни одна идейная группировка.

Всякая власть держалась на лжи и обмане, на насилии и провокации, но провокация считалась самым низким качеством человека, коммунисты же возвели это в систему, возвеличили личность провокатора, превратили провокацию в доблесть: они дали место провокаторам и самым низким негодяям в своей партии. Еще больше. Она нравственно растлевает души своих членов, своих приверженцев и воспитывает их к провокации. Провокация стала сущностью и содержанием самой партии коммунистов России, у которой, от всех прекрасных идеалов, осталась, как цель — реальная цель — одна власть.

Руководимая этим своим стремлением удерживать власть в своих руках во что бы то ни стало, партия коммунистов всю свою борьбу с противниками основала на провокации. Если буржуазные правительства могли прямо говорить, что они ведут борьбу с революционерами, что уничтожают огнем и мечом всех своих противников слева, коммунисты этой роскоши себе позволить не могут, — они завтра же потеряют свою популярность, все доверие в рабочих и революционных массах.

Поэтому их система может быть только провокационной. Об этом свидетельствуют пять лет их пребывания у власти.

Миллионы их жертв, миллионы рабочих, крестьян, трудовых интеллигентов —, революционеров и анархистов, не только были уничтожены физически, но и загрязнены, обогнаны и спровоцированы в слоях трудящихся масс всего мира, как контр-революционеры и бандиты. Махновщина, Кропштадт, разгромы анархистов, левых социалистов революционеров, с.—р. максималистов и бесконечный ряд других провокаций, красной нитью проходят по всей деятельности коммунистов у власти.

Но в последнее время эта их провокационная ложь потеряла веру к себе и они придумали нового рода провокацию, которая по своей низости превосходит все доселе совершенные. Они просто одним взмахом хотят спровоцировать целые идейные движения.

Набрав в верные службы себе разного рода провокаторов, купивших себе этой ценою жизнь, ренегатов, искателей власти и вообще слабых, бессильных членов какойнибудь пар-

тии, начали создавать из них так называемые съезды. Так недавно бывшие социалисты революционеры (правые) "распустили" на своем съезде партию социалистов революционеров и весь "съезд" вступил в партию коммунистов.

Борьба с идеологией социалистов революционеров государственников наша, анархистов, прямая задача. Коммунисты же нашли более легкий способ отделаться от нее. Ее "распустили" провокаторы и ренегаты, члены Р. К. П. (Российской Коммунистической Партии).

Такую комедию они готовят и с партией социал-демократов-меньшевиков, своих братьев по духу.

То же начинают предпринимать и с анархистами.

Последние съезды и конференции идейных и политических группировок собираются самой Коммунистической партией и Чехой из провокаторов и "бывших" людей, на которых они, партии и идейные группировки, распускаются и ликвидируются; существующей и революционной признается только Р. К. П., Карл Маркс — единым богом, а Ленин — единой главой, единой непогрешимой всемирной церкви: коммунистической партии. Жалкие людшки, растерявшие у власти весь свой идейный багаж, они забыли, что идеи на штыки не улавливаются, и что неунытские методы уже пережили свое время. Нет теперь той духовной силы, которая могла бы держаться в слепоте и полном подчинении всех людей всего мира.

Их провокаторская деятельность не тем страшна, что она обманывает временно массы, а тем, что она вносит разложение в умы трудящихся и подрывает всякое доверие к революционеру и идейному человеку. Ибо никто сейчас не уверен, что завтра ближайший по идее товарищ не окажется предателем и не перейдет в лагерь душителей русской революции и русских рабочих, крестьян, революционеров и анархистов.

Но с другой стороны имеется и много других причин, почему так много бывших идейных людей разных группировок переходят на сторону властвующей партии и играют эту нискую роль. Воспитанные разными политическими партиями в простой вере в всепасающее средство "диктатуры и власти рабочих и крестьян", они неволь-

но переносят эту свою веру на власть коммунистов, которую они знают только по официальной коммунистической же прессе. И, иногда, честно переходящие в партию коммунистов они, в конце концов, разлагаются окружающей обстановкой и ежедневной практикой коммунистов. Не слыша другого слова помимо официального и изо дня в день читая о приверженности того или другого бывшего своего товарища по идее, они теряются и не знают, что делать? Разобраться в двойственной политике коммунистической партии им трудно, и они увлекаемые громкими лозунгами и прекрасными словами и ища деятельности для себя, или входят в партию, с целью помочь ей стать более революционной, или... разлагаются окружающей действительностью.

Понятно, их сравнительно мизерное количество этих честно-входящих в партию, но для их входа туда имеются определенные идеологические и практические причины. О разлагающихся же и принимающих личину Р. К. П. излишне и говорить. Это — прямой продукт коммунистической власти и политики.

Не мало этих честно переходящих в Р. К. П. и среди анархистов. Мне вспоминается бесконечный ряд разговоров и характерных бесед с этими новоявленными Р. К. П-истами. Они все почти заявляли и били себя в грудь до хрипоты кричали: да, мы анархисты, мы были и остались анархистами. Но признавая неизбежность диктатуры мы видим единственное реальное осуществление этой диктатуры в объединении всех рабочих, крестьян и революционеров, в слиянии их усилий, в создании единого фронта революции, против единого фронта буржуазии всего мира и т. д. и т. д. Вот где лежит главная причина, что такая масса анархистов, а особенно анархо-синдикалистов перешла в лагерь коммунистов. За-границей стараются представить, что все перешедшие в лагерь коммунистов и в Р. К. П. суть негодяи и подлецы. Но это неправильно. Имеются предатели, провокаторы и негодяи. Но большая часть из перешедших анархистов пришла туда по идеологическим или тактическим соображениям и вполне честно. Их привела в партию диктатура. И характерно, что в то время, как, к примеру, анархо-синдикалисты Берлина защищают идейную честность Рощина и Сандо-

мирского, они же, эти же самые товарищи, с пеной у рта нападают на других, более честных и преданных делу революции товарищей: Л. Топовицкую, Элика Роттенберга, Белковского и других своих вчерашних друзей и соратников по анархо-синдикализму и по признанию неизбежностей переходного периода и диктатуры.

Да, их работа — ужасная. Их работа приносит невероятный вред не только анархизму, но и всему делу трудящихся, — строительству новой жизни. Пишущий эти строки уже в своей брошюре "Анархисты в Российской Революции" остановился на вопросе о советских анархистах и анархо-большевиках еще в дни Октябрьского *) переворота. Он даже дал целый ряд имен среди которых были: Рощин, **) Сандомирский, Гейцман, Элик Ротенберг, Алейников, Максимов, Ярчук, Шаширо и другие. Но никого из них автор не считал и не считал идейными предателями или провокаторами. ***) Это явление не так просто объясняется и не так просто разрешается!

* * *

II

ГДЕ ЖЕ ПРИЧИНЫ?

На этот вопрос ответить в нескольких словах трудно. В брошюре *) "Большевизм и анархизм", которая готовится к печати, пи-

*) В брошюре опечатка. Вместо "Октябрьский переворот" напечатано: "Диктаторский переворот"

**) В вопросе о Рощине и Сандомирском, как и других, пишущий эти строки всегда был одинакового мнения. Будучи еще членом "Группы русских анархистов в Германии", он резко протестовал против обвинения вышеуказанных лиц в неблагоприятных поступках. Осуждая их идейную ориентацию и борясь с ней как вредной для анархизма и даже не анархической, он считал недопустимым переводить этот вопрос в плоскость личной нечестности.

***) О провокаторах и предателях можно многое сказать. Но это явление сложное. Уже в брошюре было указано частично на принципы этого явления. Но вообще о провокаторах говорить автор не собирается.

*) Брошюра уже была готова к печати осенью прошлого года. Автор, не желая отсылать оригинал, не оставив у себя копии, дал ее товарищу В. переписать. В вагоне, у товарища, ее вытащили из кармана.

шущий эти строки останавливается подробно на вопросе о сущности и происхождении анархо-большевизма и советского анархизма. Сейчас же в этой статье остановлюсь вкратце на этом вопросе.

Всем хорошо известно то разрушение, которое наделала, и то разложение, которое внесла в анархические ряды русская революция. Всем уже известно, что тысячи и тысячи анархистов во всем мире не только выступили в защиту власти коммунистов, но даже вошли в ряды коммунистической партии. Многие даже стали самыми ярыми врагами анархизма и анархических идей. Бесконечный ряд разных новых группировок и подразделений образовались в анархизме. Влуждание многих продолжается еще и по сей день. Еще не мало и сейчас отстаивающих партию коммунистов и оправдывающих все ее действия не только по отношению к революции, но даже и к анархистам и трудящимся.

Не лучше обстояло дело и в самой России. Целые массы самых известных имен в анархическом движении и самых популярных заграничных, с первых же дней власти большевиков примкнули под одним или другим условием к ним. Будучи, в принципе, противниками власти и политики, анархисты еще до революции, в большинстве своем, все таки считали, что диктатура, т. е. та же власть в своей худшей форме будет неизбежна.

Понятно они представляли себе эту диктатуру в далеком будущем, в виде безобидной регламентации, в виде учета и распределения всех богатств и изоляции буржуазии от влияния на массы трудящихся. Но действительность оказалась иной. Действительность уже хорошо теперь известна.

Поэтому, и только поэтому, целая масса честных революционеров перешла в стан марксизма, перешла даже в коммунистическую партию.

Признавая марксистскую идею борьбы классов, принимая за неизбежность диктатуру пролетариата (диктатура труда, диктатура рабочих организаций, это — только разные названия одной и той же сущности: диктатуры пролетариата), они еще до русской революции признали неизбежность руководства революцией отдельной частью трудящихся, рабочим классом в лице

его организаций взаимной защиты и борьбы с капиталистами, — синдикатов.

Синдикализм (революционный синдикализм и анархо-синдикализм только более революционные стороны идеи синдикализма) по их мнению разрешал, сам по себе, все общественные вопросы; синдикализм был единственный метод могущий привести к новой лучшей жизни. Экономическая революция неизбежно должна стать социальной. И ясно, что в разрешении экономического вопроса они видели разрешение всех остальных. Как марксисты в переходе власти политической в руки пролетариата видели разрешение всех экономических, общественных, культурных, религиозных и других вопросов, так синдикалисты в переходе власти экономической видели разрешение всех остальных социальных вопросов и всю свою энергию отдавали на организацию бессознательных масс на экономической почве, чтобы при их содействии начать Социальную революцию. Это проповедуется и сейчас анархо-синдикалистами и самое яркое свое отражение получило в Синдикалистском Интернационале признавшем, что вся власть должна быть в руках рабочих организаций.

Как видит читатель вопрос об анархо-большевизме и советском анархизме лежит глубже, и, — много важнее, чем даже многие предполагали.

Вопрос об анархо-большевизме и советском анархизме нельзя свести к простой личной нечестности и предательству. Этим вопрос не разрешается. И напрасно те, которые несут самую большую ответственность за эти гибельные для анархизма явления, стараются, многих невинных жертв их собственных синдикалистических, революционно синдикалистических и анархо-синдикалистических теорий и идей, обвинить в личной нечестности. Зная и сталкиваясь со многими из этих анархо-синдикалистов (Ротенберг, Л. Тиновицкий, Велковец и другие) я считаю их лично честными людьми, даже более честными, чем многих кто теперь кричит против коммунистов. Да и в среде коммунистов сколько имеется честных, преданных делу революции товарищей, но как фанатики, они готовы сжечь всех и все и даже самих себя, во имя своих идолов — Маркса, Ленина, — во имя диктатуры пролетариата.

Мне приходилось уже раз в другом месте останавливаться на вопросе о стремлении все свести к роли отдельной личности и к ее качествам. К великому сожалению этот предрассудок, вера в героизм отдельной личности, очень силен еще в анархических рядах, и не мало еще имеется анархистов, старающихся привить это анархическим и анархистующим массам.

Роль личности — велика, значительна, но общественная, идейная и групповая жизнь творится не одним только или несколькими лицами, а всеми, кто участвует в этой работе, как бы доля одного ни была мала в сравнении с долей другого.

Личность есть основа общества. Личность есть ее начало и ее цель. Но жизнь, вся жизнь общества, творится всей массой личностей (для нас масса это количество личностей, а не просто толпа) участвующих в обществе. И высчитать долю каждого — невозможно. Ибо регистрируют и записывают свои дела только пишущие, дела же массы (совокупности личностей) записываются этими же людьми. И очень часто они свои личные деяния или своей группы стараются сделать центром и единственной действующей силой всей общественной жизни. Они не хотят видеть жизни такой, какова она есть и признать, что жизнь есть равнодействующая отдельных жизней и отдельных деяний всех участников этой жизни, как бы малы они ни были. Нет героев в общественной жизни: есть люди действия, активность которых больше или меньше влияет на общественную жизнь.

Деятельным же фактором, влияющим на деятельность личности, есть его мировоззрение, его религия, его вера, его идея.

Поэтому борьба должна вестись не против отдельной личности или личностей, а против той идеологии, которую эта личность или личности стараются привить массам.

Политикам и политическим шарлатанам может быть выгодно дискредитировать (лишение доверия) отдельную личность или личности, ибо тогда они смогут повести массы за собой. Для нас же, анархистов, важно, чтобы отдельный трудящийся или масса трудящихся могли сами в любой момент разобраться в том, что проповедают данное лицо или данные личности, и

могли бы сами за себя решать с кем идти и за что бороться.

А на этом, именно на этом, к великому сожалению, мало останавливаются анархисты... Не идейное и культурное развитие масс, а стремление к политическому руководству этими массами, еще очень сильно и в среде анархистов.

И они то, анархисты, стремящиеся к "руководству" массами, стараются грязнить и сквернить все, что не соответствует их стремлениям, все, что мешает их власти над "душами трудящихся".

Причина ухода анархистов в лагерь коммунистов лежит не в злой воле отдельных анархистов (я не говорю о негодях. Они бывают всюду и о них говорить нечего) или в их личной честности и бесчестности.

Анархисты уходили, уходят и будут уходить в лагерь государственников (безразлично коммунистов или синдикалистов) пока идея политической или экономической государственности будет сильна и действенна в анархических рядах.

Каким бы именем синдикализм (идея об экономическом первенстве в революции) ни прикрывался: революционным синдикализмом, анархо-синдикализмом, или "единым" анархизмом, сущность его остается та же самая. Монистический (единоначальный) взгляд на общественную жизнь и признание (хотя бы и не официальное) неизбежности переходного периода, будут неизбежны, как и принцип диктатуры (пролетар., труда, трудящихся, синдикатов, экономической и т. д.) и государственная система общественной жизни.

До тех пор пока анархизм для анархистов не является самоудовлетворяющим и достаточным сам по себе для разрешения всех социальных вопросов, а не только — идея, утопия и т. д. (как выражаются анархо-синдикалисты), нуждающаяся в благодетельной помощи синдикализма, как ме тода ("единый" анархизм), как оплодотворяющая анархизм реальность (чистые анархо-синдикалисты), как главный рычаг общественной жизни и ячейки будущего общества (анархо-индустриалисты и революционные синдикалисты), или как переходная стадия или период (анархо-большевики), до тех пор анархизм будет болеть

разного рода болезнями. И при первом раскате революционного грома, когда экономический вопрос будет разрешаться какой либо марксистской и социалистической партией, многие из приверженцев синдикализма и экономического минимизма будут переходить на сторону проводящих диктатуру пролетариата в разных формах и видах.

А для того, чтобы наши товарищи по идее были сильны и тяготели к анархизму, необходимо, чтобы они понимали и были анархисты, а не синдикалисты или анархистующие, или выдающие в анархизме только прекрасную мечту или утопию. Нужно бороться с разного рода "неоанархизмами", "неоанархистами", с разного рода анархистами большевиками и анархо-большевиками. Но наша борьба должна быть идейно выдержанной и не личной.

Совет Кропоткина убивать врага памфлетом — прекрасная вещь для политической партии, для анархизма же — убийственна и вредна. Ибо или анархистам придется создать партию

и программу и набирать, навербовывать членов и держать их в слепой вере в анархистов-героев и в их великую всемирную работу в Интернационалах и в Центральном Комитете; или анархисты в первый же момент революции окажутся бессильными, бездейственными и только орудиями в руках разных политиканов и политических партий.

Только сознание и понимание дает силу анархисту. Только сознательная активность и инициатива спасает и спасет анархистов от этого ужаса, стать врагами анархизма.

Анархизм нужно знать, нужно понимать, но по анархистически нужно жить и действовать. Тогда не будет места этим явлениям, которые разедают и разлагают наше движение и анархисты свою энергию и силы будут отдавать анархизму, а не разным идеям ничего общего с анархизмом не имеющим, и даже враждебным анархизму.

Сентябрь 1923 г.

УСПЕХИ МЕЖДУНАРОДН. ЯЗЫКА ЭСПЕРАНТО.

Международный вспомогательный язык эсперанто в последние два десятка лет значительно подвинулся вперед. Он вполне оправдывает теперь свое название **международного**. Благодаря своей необычайной простоте и легкости, а так же той насущной потребности, которая все сильнее и сильнее ощущается с каждым годом в нашем обществе во всех классах и группах людей, эсперанто сделался таким образом настолько популярным и уважаемым, что нашел себе большой живой отклик среди всех стран, больших и малых — и народов, разбросанных по всей нашей планете — земле.

Нет теперь в мире той страны, где бы эсперанто не было, где бы о нем не знали. Он, подобно весенним солнечным лучам, проникающими всюду и магически ласково маяющими к себе все живое, проникает везде, где только живут люди и подобно солнцу, бескорыстно согревающему равно всех, как бы говорит всем людям, живущим многосложной и многообразной вечно сменяющейся жизнью: я буду вашим веч-

ным и бесплатным слугой, буду помогать вам (людям) разрешать существующие между вами споры, облегчать ваше общение и всякого рода обмен, а также способствовать прогрессу лучшей общественной жизни.

И те, кто сознательно или инстинктивно почувствовали большую нужду в едином для всех народов вспомогательном языке (ко всем существующим языкам и наречиям), те понимают значение такого международного языка и изучают его, будучи уверенными в том, что если бы все народы мира восприняли его, он мог бы принести людям громадную пользу.

25 МИЛЛИОНОВ ЭСПЕРАНТИСТОВ.

Судя по имеющимся в моем распоряжении данным, любезно присланным мне на мой запрос одним старым американским эсперантистом К., несколько лет неустанно работающим в области распространения эсперанто среди американцев, а также и других источников, как, например, по литературе о эсперанто, написанной француз-

скими и другими эсперантистами, всех эсперантистов во всем мире, т. е. людей говорящих на языке эсперанто, сегодня насчитывается около 25 миллионов.

В эту цифру включаются мужчины, женщины и дети, владеющие языком эсперанто, из коих около 15 миллионов умеют не только говорить, но и писать. 25 миллионов людей, разбросанных по всем уголкам земного шара, могут сегодня переезжать из страны в страну и, встретившись по дороге с людьми (белой, желтой и черной расы), говорящими на языке эсперанто, могут без затруднения и всякой посторонней помощи (переводчиков) разговаривать на языке эсперанто; узнать и получить без всякого промедления и ожидания то, что им нужно и необходимо! 25 миллионов сумели за сравнительно короткий промежуток времени *) разбить, казалось, недоступную и непосильную людям китайскую стену, называемую многоязычной, стоящую издавна, как всем известно, тормазом на пути развития людей во всех областях человеческого познания и стесняющую людей в их борьбе с природой за лучшую жизнь. 25 миллионов эсперантистов есть, правда, мизерная цифра, составляющая не больше двух процентов всего населения земного шара, если принять во внимание, что население нашей земли достигает до полутора миллиарда душ.

Несмотря на то, что такой незначительный процент эсперантистов на первый взгляд может удивить многих, заставить думать о том, что нет основания даже надеяться на воплощение целиком в жизнь когда нибудь всемирного языка эсперанто, раз он за 35 лет нашел себе небольшое количество последователей, такой взгляд, по моему, окажется вполне ошибочным. Ошибочным потому, что тот, кто хоть мало-мальски знаком с историей развития человечества с самого на-

чала и вплоть до наших дней, тот, конечно, не может не заметить одной чрезвычайно важной вещи, коренящейся в психологии людей — это туго поддающейся манеры у людей вообще воспринимать немедленно новые появившиеся идеи в широком масштабе. Даже тогда, когда для некоторых они оказываются с самого начала простыми и понятными и потому они усваивают в то время, как для других, огромного большинства, даются в силу целого ряда причин, трудно и тяжело и, наконец, с затруднением.

Так, идея освобождения наемного труда и уничтожения беспощадной эксплуатации человека человеком, несмотря на всю свою несложность и простоту, когда каждый раб все это чувствует на своей собственной спине, все-таки не осуществлена и господство богачей над бедняками продолжается и в XX веке, хотя правда в несколько смягченном виде. Одурачиванию и околпачиванию все еще не видно конца. А борьба за освобождение труда ведется ведь довольно продолжительное время.

Или взять бы более простую идею; идею за восьмичасовой рабочий день. Эта идея появилась в умах более чутких и отзывчивых людей несколько лет раньше, чем появился язык эсперанто. И все таки сегодня добрая половина наемных трудящихся во всем мире почти работает по 9—10, а то, в иных случаях, по 12 и больше часов в сутки.

Поэтому можно смело и безошибочно сказать: идея единого для всех вспомогательного языка, каким является эсперанто, растет, развивается и крепнет в ширь и в глубь. С каждым годом эсперанто привлекает к себе миллионы новых последователей. В каждой стране, тысячи, десятки тысяч, ежегодно идут в разные школы эсперантистов изучать эсперанто. И это мы называем прогрессом эсперанто в ширь.

Эсперанто, как и всякая другая идея, постепенно совершенствуется, отшлифовывается и т. д. Много, насколько мне известно, язык эсперанто усовершенствовался, обогатился новыми словами, оформился смыслом и выражением с тех пор, как он был изобретен. А еще больше предстоит впереди сторонникам эсперанто подновить его, заполнить его пробелы, что уже делается с большим успехом. Сама жизнь требует

*) Искусственный международный язык эсперанто был, после долгих лет неустанных трудов, изобретен в 1887 году доктором Л. Л. Зименгофом, родом из г. Белостока (Польша). Желавшие более ознакомиться с языком эсперанто могут прочесть мою статью "Эсперанто — международный язык", помещенную в августе № 32 "Волна" 1922 г. а также и другие статьи и литературу об эсперанто.

этого. Добавление же всего необходимого требующего жизнью и удаление из него ненужного (всего меньше в эсперанто имеется последнего) посаужит лишь украшением и обогащением этого языка. Идея же сама по себе остается непоколебима, ибо она является насущной потребностью нашей многогранной жизни, а также в науке, технике экономике, социальном вопросе и т. д. и т. п.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭСПЕРАНТИСТЫ, ИХ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРЕССА.

Для того, чтобы правильно представить себе, кого собой представляют современные эсперантисты, т. е. люди, ставшие сторонниками вспомогательного языка эсперанто, к каким классам и группам они относятся, мы приведем ниже ряд примеров, взятых из жизни и деятельности эсперантистов многих стран, на основании которых, полагаем мы, читатель сделает сам соответствующие выводы.

1. Одной из более сильных и многочисленных эсперантских организаций является римско-католическая эсперантистск. орг., насчитывающая в своих рядах более 28.000 членов, главный центр которой находится в г. Граже (Австрия). Эта организация издает три ежемесячных журнала на языке эсперанто, циркуляция которых превышает количество своих членов.

2. Следующая за ней имеется сильная эсперантистская организация религиозных протестантов, имеющая в своих рядах около 20.000 чл., главный центр которой находится в г. Гуддерсфильде (Англия). Также издает три ежемесячных эспер. журнала: один в г. Карке (Финляндия), другой — в г. Гудленбурге (Германия) и третий в Гуддерсфильде.

3. За ними следует одна из лучших и старейших эсперантских организаций — это нейтральная эсперантская организация, имеющая "Универс. Эспер. Ассоциация", в которой подавляющее большинство составляют крупные техники, профессора и др. интеллектуальные лица с либеральным мировоззрением. В своих рядах эта организация насчитывает приблизительно 10.000 членов. Главный центр ее находится в Женеве (Швейцария); она представляет 1.000 городов всех стран мира. Их главный ежемесячный ор-

ган "Эсперанто" выходит в Женеве.

4. Социалистическая (большевистская) эсперант. организация в Париже имеет около 3.000 членов. Организация эта еще молодая, ей 3 года. Существует при активной поддержке французских, германских и итальянских социалистов; главный центр ее — Париж, представляющий 448 городов многих стран. Их месячный орган "Sennacieca Revuo", циркуляция которого превышает 5.000 экз.

Затем имеется много эсперантских организаций с менее количественным числом членов, но за то качество их соответствует более высшей ступени развития.

Так "Интернациональная Ассоциация Ученых" в Париже объединяет 570 членов, имеет свой ежемесячный журнал "Интернациональный Ученый Обзоратель"; "Интернационал. Ассоциация Учителей", имеет более 700 членов; обе ассоциации "Учителей" в Антверпене (Бельгия) объединяет более 110 членов, а также и Герм. Ассоц. эспер. имеют эсперант. ежемесячник, "Интернац. железно-дорожн. Рабочие" в Праге (Чехословакия) объединяет более 350 членов. Эсперант. орг. почтовых чиновников в Париже насчитывает более 300 членов (имеются также организ. почтовых чиновников и в других странах: Германии, Чехословакии и т. д.). Также имеется "Лига интернациональных эсперантист. медиков в Варшаве (250 чл.), "Интернациональн. Лига Свободн. Мыслителей" в Лейпциге (200 членов), "Эсперант. Литерат. Ассоциация" в Дрездене (100 членов) и много других, например, "Лига эсперан. философов" в Швейцарии (70 чл.), "Союз эсперант. студентов" в Японии и т. д.

Кроме того имеется бесчисленное количество мелких, самостоятельных не объединенных в федерации и ассоциации организаций, отдельных групп и кружков, разбросанных по всей Европе, Азии, Америке и др. материках. При активном содействии таких эсперантистских групп, кружков, каждой осенью открываются вечерние школы, куда приглашаются взрослые обоого пола для изучения эсперанто. Им же издаются периодические эсперантские издания, поддерживается некоторая связь с другими эсперантистами, живущими в других странах.

Во многих странах эсперанто не разрешает

правительство преподавать в государственных школах для взрослых и детей. Многие страны не только разрешают, но и способствуют распространению эсперанто (Германия, Чехословакия, Россия и др.).

Так, эсперанто свободно введен и преподается для взрослых и детей почти во всех государственных школах — в Германии, Бразилии, Финляндии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии и Австрии, а также и в нескольких городах Югославии, Албании, Румынии, Великобритании, Нидерландах, России *), Китая, Японии, Персии, Турции, Аргентине, Чили, Индии, Швейцарии, Италии и многих других странах, городах и университетах Европы и Южной и Северной Америки (В Сев. Америке эсперанто преподается в 84 городах, в частных и публичных школах).

Во французском городе Лиле, например, несколько тысяч школьников, при активной поддержке и финансировании учителей французских синдикалистов и анархистов изучали эсперанто (многие уже успели изучить), пока французское Министерство Народного Просвещения, в 1922 году не вытеснило оттуда эсперанто изданием оного закона, рассматривающего эсперанто, как "угрозу" французской нации со стороны эспер. В 1922 г. во время зимнего сезона всех учащихся в эсперантских школах насчитывалось около 15 миллионов душ на всей земле. В этом году предполагается больше. Для более лучшего усвоения эсперанто, на этот язык переводится лучшая литература мировых писателей и беллетристов. На язык эсперанто переведены некоторые

труды Толстого, Гоголя, Чехова, Тургенева, Андрея и др.

ЭСПЕРАНТСКИЕ КОНГРЕССЫ.

Для того, чтобы более успешно и продуктивно распространять и знакомить широкую публику с международным языком эсперанто, эсперантистами созываются, кроме своих национальных годовых съездов, интернациональные эсперантские Мировые Конгрессы, на которые съезжаются эсперантисты всех концов мира. На них даются делегатами отчеты о деятельности эсперантистов каждой страны за истекший год. На этих конгрессах подсчитывают свои силы и, главное, совещаются как лучше повести пропаганду эсперанто в будущем году в более широком масштабе.

Всех эсперантских Междунар. Конгрессов было пятнадцать. Первый Конгресс состоялся в 1905 г., во Франции, на котором присутствовало 800 представителей от разных стран и народностей мира. На нем впервые был избран Интерн. Эсперантс. Комитет, намечен фонд, тщательно рассматривалась азбука эсперанто при участии самого автора Л. Л. Зименгофа и т. д. и т. п.

Второй Конгресс состоялся в 1906 г. при участии 1.200 представителей. Характерно, что каждый последующий эсперантск. Междун. Конгресс увеличивался количеством съезжавшихся представителей. Так, на VII Конгресс, состоявшийся 20—27 августа 1911 г. в Берлине, съехалось уже 2107 официальных представителей от 14 крупных европейских и др. стран. Лишь последняя мировая война прервала временно созывы регулярных эсперантск. Конгрессов.

После войны, в 1921 г. состоялся (в Праге) XIII Конгресс на котором участвовало 2.500 представителей, представлявших 42 нации и 8 областей. Это был колоссальный Конгресс, для которого, если прибавить к официальным представителям несколько тысяч гостей и заинтересованной публики, присутствовавшей на Конгрессе, трудно было подыскать в Праге (Чехословакия) помещение, чтобы вместить такое огромное количество собравшихся.

В текущем 1923 г. состоялось три Межд. Эсперантск. Мировых Конгресса: нейтральный, т. е. стоящий вне всякой политики, большевистс-

*) У меня нет под рукой материала о современном развитии эсперантистов в России, по которым можно было бы судить, как он там прогрессирует или наоборот; но я знаю: совет. правительство одобрило известным декретом язык эсперанто, рекомендовало преподавать таковой во всех государственных школах и, что, за отсутствием эсперант. учителей, лишь эсперанто преподается в крупных городах необъятной России. До последней мировой войны в России (в период 1911—1914 г. г.) насчитывалось около 90 небольших количеством групп, издавалось 5—6 периодических журналов на языке эсперанто (некоторые выпуски на русско-эсперантском языке) и издавались учебники эсперантского языка и переводилась классическая литература.

кий (партийный) и римско-католический, находящийся под влиянием духовенства.

Как видно, эсперантисты, будучи разных мировоззрений и принадлежа к разным классам и группам существующим в нашем эксплоататорском обществе, не могли дальше продолжать с'езжаться на один общий Мировой Эсперантск. Конгресс, а понадобилось для этого несколько. Но это, впрочем, не может, однако, несколько отразиться на пропаганде эсперанто в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, несмотря на все трудности, встречаемые эсперантистами на пути распространения международного языка эсперанто (узколобый национализм, некоторые реакционные правительства и целый ряд других причин), эсперанто быстро, преодолевая все трудности, движется вперед, привлекая — на зло врагам, видящим в нем какую то "опасность" и на радость сторонникам, видящим в эсперанто величайшую пользу в смысле народных и др. взаимоотношений — с каждым годом миллионы новых и новых сторонников со всех концов мира. И это уже одно наглядно показывает и убеждает нас, не смотря на то, правится нам или нет, — что народы всех классов и групп сильно нуждаются в вспомогательном языке эсперанто.

Теперь, ни один ученый — медицинский, социалистический, анархический или какойнибудь другой, Конгресс, носящий мировой характер, не может обойти молчанием, чтобы не поднимать давно наболевшего вопроса об изучении всеми одного языка, причем, часто указывают на вполне подходящий для этой цели язык эсперанто. Между прочим, об этом почти впервые отмечалось на научных конгрессах, собиравши-

хся во время всемирной выставки в Париже, 1900 г. где указывалось, что, "при обучении иностранным языкам теряется ужасно много дорогого времени, а многоязычие затрудняет международные сношения".

В будущем же, когда все народы мира убедятся в ненужности и вредности кровавых войн, существующих в нашем властном авторитарном обществе, когда ученые всего мира создадут и уяснят себе, что величайший дар природы — наука, должна, как солнце служить равно всем людям, а не ничтожному меньшинству, как теперь, с одной стороны, и с другой, когда давно уже начавшееся движение за окончательное освобождение и раскрепощение подневольного современного труда доведется до конца и в мире наступит свободная, братская и равноценная жизнь, тогда еще во стократ большая необходимость, чем теперь, явится у людей в одном для всех спутнике — языке, на котором все народы мира могли бы говорить и при помощи которого сумели бы легче без затруднения, сноситься, делать разного рода между собой обмен и вообще пользоваться языком эсперанто во всех жизненных потребностях.

Поэтому приходится сказать словами величайшего русского мыслителя Л. Н. Толстого, сказанными им (в 1894 г.) по вопросу международного языка эсперанто в известном письме к "эсперантистам", что "во всяком случае жертвы, которые принесет человек нашего европейского мира, посвятив несколько времени на изучение этого языка, так незначительны, а последствия, которые могут произойти от усвоения всеми, — хотя бы только европейцами и американами... этого языка, так огромны, что нельзя не сделать этой попытки".

Г.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ОТЧЕТ РЕД. КОЛЛЕГИИ ОТ 1-ГО СЕНТЯБРЯ
ПО 12-Е ОКТЯБРЯ 1923 Г.

ПРИХОД:

Журн. "В."

Фор — т Пар. 4.00
Гем — он 6.00

Вел — д 7.00
И — л Фал — с 3.00
П — т Роб — н 2.20
Акр — н за №№ 39-й по 43-й 40.75
Фар — н 2.00
Дет — т 27.25

Юнг — он за №№ 35 по 44-й 31.25
 Се — л Ваш. № 43 по 45-й 6.90
Итого — 130.35

Фонд "В."

Интер — л Фал 3.00
 Дет — т за розыгран. картину 23.00
 Дет — т по чек. книжк. за №№ 201 Н.
 Ш. — 2.00; 202 Савробыш — 0.50; 203
 — Ко-в — 0.50; 204 — А. С. — 0.50;
 205 — Agent — 0.50; 206 — Купайлов — 0.50
Итого — 30.50

За литературу.

Се — л Ваш. 1.00

РАСХОД:

Издание "В." №45-й 247.50
 Проезд дел. на Конф- — ю 25.00
 Перес. и упак. "В." № 45-й 14.65
Итого — 287.15

Приход — 161.85

Расход — 287.15

Дефицит — 125.30

В кассе было на 1-е сент. — 523.08

Остается на 13-е октября — 397.78

Ревиз. Комис.: А. Ш. и М. Г.

**ОТЧЕТ ГР. ГОР. Г — Д ОТ НОЯБРЯ 29 —
 22 ПО ОКТ. 7 — 23.**

ПРИХОД:

Взносы в сумм. 79.50
 Частные пожертвов. 15.70
Итого — 95.20

РАСХОД:

Пожертвования 30.35
 Проезды 25.36
 На издания 15.60
 Почтовые расходы 1.05

Итого — 72.36

Остаток в кассе — 22.84

Секр.

ОТЧЕТ РЕД. КОЛЛЕГИИ.**ПРИХОД:**

Гар - д за "В" — 18.00, Н. И-к — 23.10
 Гр-т — 2.25, Г. Инд — 0.36, Ел-т — 23.60,
 Мек. Кес. Р. — 30.00, Веланд — 0.60, Гр-т
 — 1.50, От ст. Фед. С. — 144.70, Чик-о —
 16.50, Чик-о за литературу — 3.50, Н. И-к
 — 8.50,
Итого — 277.61

РАСХОД:

Издание ж. "В" № 46 — 159.00, Рассылка —
 12.74, Мелкие расходы — 0.80.

Итого — 172.54

Остаток в кассе — 105.07

Секр.

ОТ. РЕД. КОЛЛЕГИИ: Товарищи! Просим
 не задерживать денег за проданные номера жу-
 рнала, а также и другую литературу. Обратите
 внимание также и на то, что в кассе нет средств
 на выпуск очередного номера. Надеемся, что
 товарищи предпримут все зависящие от них ме-
 ры для того, чтобы журнал выходил регулярно,
 без перерывов.